

Александр ТУДУН

ДОМ
НА ФРУНЗЕНСКОЙ

Трагикомедия в 2-х действиях

Саранск

Типография «Красный Октябрь»

2009

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос = Рус) 6
П 88

Фото на обложке
А. Ильина

Пудин А.
П 88 Дом на Фрунзенской : трагикомедия в 2-х действиях / Александр Пудин. – Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2009. – 64 с.
ISBN 978-5-7493-1371-0

УДК 821.161.1
ББК 84 (2 Рос=Рус) 6

ISBN 978-5-7493-1371-0

©Пудин А.И., 2009

Об авторе

Пудин Александр Иванович родился в 1958 году в Мордовии. Окончил техникум электронных приборов, затем — Московский литературный институт им. А.М. Горького. Автор сборников стихов, переводов. Работал редактором книжного издательства, литконсультантом Союза писателей, пресс-секретарем Главы Республики Мордовия, главным редактором газеты «Известия Мордовии».

С 1987 года активно работает в драматургии. Участник семинаров драматургов в Рузе, в Сочи, в Денвере (штат Колорадо, США). Опубликовал 4 сборника пьес: «В пустом доме люди» (1988), «Очаг» (1991), «Ой, куница играет» (1998), «Назад, к победам!» (2007). Пьесы также печатались в журнале «Современная драматургия».

В декабре 2007 года издал 3-томное собрание сочинений, куда вошли 23 пьесы. Издание сопровождается вступительными статьями, а также справочные материалы о судьбе каждой из пьес.

Всего драматургом написано более сорока полноактных пьес.

В театрах страны в разные годы шли или идут пьесы «В пустом доме люди», «Анахореты, или Угол для сирот», «Очаг», «Дон Стефано», «Ой, куница играет», «Эренгер», «Жизнь Василия Фивейского», «Завтра — Агавайрем» и другие. Пьесы «В пустом доме люди», «Анахореты или Угол для сирот», «Очаг» переводились и ставились на языках народов СССР. Пьеса «В пустом доме люди» переведена также на итальянский и была поставлена в Риме.

Пьеса «Очаг» в постановке Марийского национального театра им. Шкелтана (режиссер В. Пектеев) получила Гран-При на Международном фестивале театров финно-угорских народов. Исполнители главных ролей в пьесе «Жизнь Василия Фивейского» стали лауреатами за лучшую мужскую (Е. Пулов) и лучшую женскую (Т. Весеньева) роли на международном фестивале театров финно-угорских народов (спектакль Мордовского национального театра). Сам драматург на этом фестивале признан лучшим финно-угорским драматургом. Спектакль «Жизнь Василия Фивейского» был отмечен и на крупном театральном фестивале «Федерация—92» в Чебоксарах.

В 1989 году А. Пудин написал пьесу по мотивам повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», которая привлекла к себе внимание руководителя МХАТ

им. Горького народной артистки СССР Татьяны Васильевны Дорониной. Драматург смог провести пьесу через цензуру, «залитовать» ее, однако театр не смог получить согласие Александра Исаевича. Пьеса в 1990 году была поставлена в Читинском облдрамтеатре, но через некоторое время, после успешного проката, драматург, по требованию А.И. Солженицына, снял постановку.

В 1995 году состоялась мировая премьера пьесы «Четвертая Сибелиуса» на Международном театральном фестивале в Тампере (Финляндия). Работа получила положительные отзывы во всех крупных финских изданиях, в том числе, в ведущей газете Финляндии «Helsingin sanomat».

В настоящее время в «Театре на Покровке» в Москве с успехом идет пьеса «Дом на Фрунзенской» в постановке художественного руководителя театра, народного артиста России, лауреата Государственных премий России Сергея Арцибашева.

Пьесы А. Пудина отмечены многими наградами.

Александр Пудин

— лауреат премии Ленинского комсомола Мордовии (1988 год, пьеса «В пустом доме люди»);

— лауреат журнала «Театральная жизнь» (1989 год, за трилогию «В пустом доме люди», «Анахореты, или Угол для сирот», «Очаг»);

— лауреат Всесоюзного конкурса драматургов им. А. Вампилова (1989 год, Сочи, драма «Орда»);

— лауреат Международного фестиваля театров финно-угорских народов (1991 год, Ижевск, звание лучшего финно-угорского драматурга);

— лауреат Всероссийского конкурса драматургов «Возрождение

России» (1995 год, пьеса «Хуторок»);

— лауреат Государственной премии Мордовии (1996 год, пьесы «Ой, куница играет», «Четвертая Сибелиуса», «Хуторок», «Дон Стефано», «Орда»);

— лауреат Всероссийского конкурса драматургов «Долг. Честь. Достоинство» (2002 год, пьеса «Христос здесь, но это еще не конец»);

— лауреат Всероссийского конкурса драматургов «Мы дети твои, Россия» (2002 год, пьеса «Вечный Странник» (по мотивам Библии для детей));

— лауреат Всероссийского конкурса драматургов «Факел памяти» (2005 год, пьеса «Рубеж»);

— дипломант Открытого конкурса драматургов «Драматургия Добра» (2006 год, пьеса «Рубеж»);

— лауреат Всероссийского конкурса драматургов «Долг. Честь. Достоинство» (2006 год, пьеса «Красная амазонка»);

— лауреат Государственной премии Мордовии (2008 год, за большой вклад в развитие национальной культуры и драматургии);

— лауреат премии города Москвы (2008 год, за большой вклад в области журналистики);

— лауреат Всероссийского конкурса драматургов «Долг. Честь. Достоинство» (2008 год, пьеса «Царь Петр Алексеев»).

Первым режиссером-постановщиком его драматургии (пьеса «В пустом доме люди») является народный артист России, лауреат Государственных премий России, художественный руководитель Московского академического театра им. В. Маяковского и «Театра на Покровке» Сергей Арцибашев.

Крестными в драматургии считает Валентину Федорову, Валерия Тура, Олега Пивоварова, Николая Мирошниченко, Владимира Малягина.

В 32 года А. Пудин стал заслуженным писателем Мордовии. Он член Союза писателей СССР (затем — России), член Союза театральных деятелей России. Являлся членом Совета национальностей Союза театральных деятелей России.

В МГУ им. Н.П. Огарева с 1999 года читается спецкурс по его драматургии.

В 1989 году стал одним из основателей Мордовского национального театра. Был художественным руководителем и директором. Именно при его руководстве национальный театр удостоился первых профессиональных успехов, признания зрителей и театральной общественности России.

Небезуспешно выступал в качестве режиссера-постановщика.

А. Пудин публицист, обществен-

ный деятель. Персонаж ряда энциклопедий, справочников, учебников.

С 2000 года живет и работает в Москве. Является советником первого заместителя мэра Москвы в правительстве Москвы Людмилы Швецовой (в настоящее время на общественных началах). Член редсовета журнала «Театральная жизнь». Председатель правления Благотворительного фонда отечественных традиций «Наша семья» (фонд работает с благословения ныне усопшего Патриарха Алексиса II).

В 2006 году создал собственный Центр поддержки новых социальных инициатив «СоцИнФорум». Под эгидой Центра совместно с Департаментом семейной и молодежной политики Москвы занимался информационной поддержкой Года ребенка. В настоящее время совместно с Комитетом общественных связей города Москвы издает журнал «Московский ориентир» (издатель и главный редактор).

ДОМ НА ФРУНЗЕНСКОЙ

Трагикомедия в 2-х действиях

Действующие лица:

- Марочка,
она же Мария Федоровна – владелица квартиры на
Фрунзенской набережной
в Москве, 76 лет, именинница
- Виктор – сын Марочки, 53 года
- Таша – жена Виктора, 55 лет
- Верочка – дальняя внучка Марочки, 30 лет
- Павлик – сын Виктора и Таши, 28 лет
- Елена – дочь Виктора и Таши, 26 лет
- Виталий Андреевич
Безносиков – друг Марочки, 70 лет
- Валентина Матвеевна
Сикорская, она же ВМС – соседка Марочки, 78 лет

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Первая картина

Проходная комната в квартире Марочки. Две двери – по диагонали, третья – сбоку. Два окна. Стол посередине. Стулья. Небольшой диванчик. Шкаф с видео-, аудиоаппаратурой. В стороне лестница-стремянка – видно, что в доме только что завершен ремонт. Марочка в бигудях, в атласном халате. Верочка ставит букет из красных роз в вазу.

М а р о ч к а *(на цветы)*. Прелесть! Просто шик! Ши-кар-ны-е!

В е р о ч к а. Правда нравятся?

М а р о ч к а. И-зу-ми-тель-ные!

В е р о ч к а. Я так рада, Марочка!

М а р о ч к а. Какой насыщенный цвет! Полнота жизни! Нет, что ни говори, а красный цвет – это жизнь. Как будто кровь в тебя вливают.

Пауза.

Чу! *(Нервно)*. Тебе не кажется... что они дышат?

В е р о ч к а *(радостно)*. Ты тоже заметила?

М а р о ч к а. «Заметила!» Или я неживая?! Дыхание такое... Как тебе объяснить...

В е р о ч к а. Не знаю... Частое? *(Склоняется над букетом.)*

М а р о ч к а. Ишь, замерли! Поняли, что о них речь идет. Не знаешь! Все ты знаешь! И я знаю!

В е р о ч к а. О чем ты?

М а р о ч к а. О том же, о чем и ты!

Пауза.

Они нас презирают, Верочка.

В е р о ч к а. Ты думаешь?

М а р о ч к а. Не думаю, а уверена!

В е р о ч к а. Они уверены, что мы – полное ничтожество!

М а р о ч к а. Они уверены, что мы – тоже растения. Только передвигающиеся. А так – растения. Гнилые и смердящие растения.

В е р о ч к а. Им кажется, что мы – обрубки деревьев, одетые в разноцветные тряпки, увешанные золотом и драгоценными камнями. Злые обрубки, не способные видеть красоту и дарить радость.

М а р о ч к а. Которые только гадят, гадят и гадят! *(Плачет.)* И которым давно нет места на этой теплой и прекрасной земле!

Пауза.

Я раньше любила ездить в Ясную Поляну. За лето не раз, бывало, приедешь, скинешь туфли – и ходишь по земле, ходишь...

В е р о ч к а. Будто не ты ходишь, а душа.

М а р о ч к а. Будто душа идет по мягким облакам...

Пауза.

(Неожиданно.) Были годы, когда никто не ждал моей смерти. Наоборот, хотели, чтобы Марочка жила! И жила хорошо! Чтобы наряжалась! Веселилась!

Марочка плачет навзрыд.

В е р о ч к а. Бубуля!

М а р о ч к а. Повтори еще раз! Я умираю, когда ты говоришь мне «бубуля», Вера!

В е р о ч к а. Моя бубуля! Моя дорогая бубуля! С Днем рождения тебя! А чего это мы с тобой расслабились? Совсем раскиселились! Бубуля! А ну-ка возьмемся за нервы! Раз, два, три!

М а р о ч к а. Раз, два, три!

В е р о ч к а. Все, все... Хватит нюни пускать! Собрались! И... Как мы с тобой боремся с меланхолией?

М а р о ч к а (*вытирает слезы, как можно тверже*). Мы – сильные!

В е р о ч к а. Мы – любимые!

М а р о ч к а. Мы – любимые!

В е р о ч к а. Мы – сильные!

Пауза.

Звучит динамичная музыкальная перебивка.

М а р о ч к а. Ты сколько отдала за этот несчастный букет?

В е р о ч к а. Бубуля!

М а р о ч к а. Я, как финансист, должна знать, почему нынче у нас жизнь.

В е р о ч к а. А то без букета не знаешь! Жизнь у нас нынче дорогая. Особенно для стариков и молодых. Почти четверть населения Москвы проживает ниже уровня прожиточного минимума. Сурово, однако!

М а р о ч к а. А кто сказал, что жизнь – сплошное купание в Черном море! Жизнь – это, знаешь ли, сплошное хождение Богородицы по мукам! Ходим и ходим, ходим и ходим, пока ноги не перестают ходить.

В е р о ч к а. Ужасная философия.

М а р о ч к а. Это философия моя ужасна, а жизнь, Верочка.

В е р о ч к а. Ну, так вот... твое любимое министерство экономики...

М а р о ч к а. Я в финансах работала.

В е р о ч к а. Один фиг, Марочка! Все равно твои скупердяи лишнего не дадут. Они, видишь ли, считают, что прожиточный минимум в Москве – около пяти тысяч рублей.

М а р о ч к а. А по стране?

В е р о ч к а. Там – тоже по-разному. В Туле, должно быть, меньше – что-то около трех – четырех тысяч.

М а р о ч к а. Это почему же в Туле – меньше? Там что, меньше едят? Виктор и его жена Таша, по-моему, пока не лопнут, из-за стола не встанут.

В е р о ч к а. Говорят, там потребительская корзина дешевле. Хотя что в Москве колбаса стоит 220–270 рублей, что там – одна цена.

М а р о ч к а. Это какая колбаса стоит 220? «Микояновская»?

В е р о ч к а. Ясно, не «Микояновская» – «Докторская». А твоя любимая – почти 500 рубликов.

М а р о ч к а (*удовлетворенная*). Вот это цена! А то 220! Что 220? Вольт? Зачем 220?! А ты какую на стол купила?

В е р о ч к а. Конечно, «Микояновскую».

М а р о ч к а. Умничка! Таша ее не любит. Больно в зубах, говорит, застревает! А по мне – очень даже приятная колбаса.

В е р о ч к а. Колбаса – для солидных людей. Смотрю, не перевариваешь ты Ташу.

М а р о ч к а. Перевариваю, Верочка. Всех и все перевариваю. Желудок у меня такой. Прямо скажу, не жалею. Грех жаловаться. С душой были проблемы. Да и сейчас я еще не в ладах с ней.

В е р о ч к а. Не парься! Чистеньких-пригоженьких, которых прямо хоть завтра в рай, нет.

М а р о ч к а. Есть, Верочка, такие, есть. Кто жил по совести.

В е р о ч к а. И в этом доме на Фрунзенской?

М а р о ч к а. И тут есть разные. Есть, которые через трупы перешагивали, шли к своей заветной цели, а есть – которые жили высокими принципами, совестью не поступались, душу за алтын не продавали.

В е р о ч к а. Не об этом ты думаешь в день рождения, Марочка.

М а р о ч к а. А итоги? Когда еще подводить итоги, как не в день рождения?

В е р о ч к а. Итоги? (*Равнодушно.*) Итоги – это отвергнутые мужчинами наши ноги.

М а р о ч к а (*смотрит на букет*). Развратные розы...

В е р о ч к а. Твои любимые.

М а р о ч к а. Ну, и почему они нынче у нас? Если ободрали – сама пойду с ними разберусь.

В е р о ч к а. Правильно, давай еще будем охать, сколько отдала за букет в день твоего рождения!

М а р о ч к а. Не люблю отдавать пятьсот за вещь, которая и сотни не стоит!

В е р о ч к а. Отчего же! Сегодня многим нравится вещи брать, к примеру, в бутиках. Чтобы она «стоила»! Чтобы можно было сказать: «Ах, я взяла ее в бутике на Охотном»!

М а р о ч к а. И ты, Верочка, сама такая же! Любишь пыль в глаза пустить.

В е р о ч к а. Все, поехали! Мария Федоровна села на своего любимого конька.

М а р о ч к а. Плюнь мне в глаза, если я не права! В прошлый раз какие туфли принесла с Охотного?

В е р о ч к а. Да будет тебе вспоминать!

М а р о ч к а. Куда смотрела, когда покупала? Туфли из Аргентины! За пять тысяч рублей!

В е р о ч к а. Ну и что?

М а р о ч к а. Ничего! Аргентина – это танго. А туфли, поверь мне, – это Франция, Италия, Германия. Скажи спасибо, сдала я их обратно, это дерьмо собачье! (*Передразнивает.*) «Вы что хотите, бабуся? Сдать туфли? Мы обратно не принимаем!». Какая я тебе, говорю, бабуся! Я еще с Безносиковым труся!

Верочка смеется.

Да почаще тебя, оглобля неровная!

Обе смеются.

Верочка берет цветы, собирается идти в комнату Марочки.

М а р о ч к а (*вдогонку, останавливает*). Не ставь в мою спальню!

Неловкая тишина.

Не ставь! А то задохнусь еще!

Верочка пожимает плечами, уносит цветы в обратном направлении.

Пауза.

Как ты мне с ремонтом угодила! Все беленько, все чистенько!

В е р о ч к а. Постаралась. (*Укоризненно.*) Впрочем, в твои годы уже о покое надо думать...

М а р о ч к а (*вскинув брови*). О покое?

Пауза.

В е р о ч к а. Конечно. А ты все ремонты устраиваешь. Эту дуру-лестницу сколько на своем хребте таскала! (*Кивает на стремянку.*)

М а р о ч к а. Ничего! Я двужильная, Верочка! Не гляди, что финансист! Марочка никогда белоручкой не была! Нас учили работать. И мы к работе относились с трепетом! (*Твердо.*) Нет, нам покоя не надо!

В е р о ч к а. И для чего, спрашивается, старалась? И для кого? Для твоих наследников? Они все равно все на свой лад переделают.

Молчание. Марочка вздыхает.

Ну, засопела! Ну, Марочка! Да будет тебе! Ох, не нравится мне твое личико, когда обижаешься!

М а р о ч к а. А ты не обижай.

В е р о ч к а. Упаси Бог! И не думала даже. Я, жалеючи тебя, так говорю.

М а р о ч к а. Ты тоже считаешь, что мне пора? Туда?

В е р о ч к а. Ничего я не считаю. Наоборот, думаю, что тебе достаточно одной сидеть в этом трехкомнатном дворце!

М а р о ч к а. У тебя есть предложения?

В е р о ч к а. Нет. Но, может, тебе с каким-нибудь Безносиковым и не так скучно будет, а?

Марочка идет к шкафу, включает магнитофон.

Звучит зажигательная латино-американская мелодия.

Марочка танцует – очень эмоционально и уверенно.

В е р о ч к а. Безносиков мне звонил с утра.

М а р о ч к а. Чего он?

В е р о ч к а. Как всегда – учтив, конкретен.

М а р о ч к а. Конкретен или корректен?

В е р о ч к а. И то, и другое.

М а р о ч к а. Запинался в трубку?

В е р о ч к а. Запинался.

М а р о ч к а. Значит, еще любит, коль волнуется, старый пес.

В е р о ч к а. Спрашивал, когда за стол садиться будем?

М а р о ч к а. Вот, старый чревоугодник! Дома не кормят его что ли?

В е р о ч к а. «Как Марочка?» – спрашивал.

М а р о ч к а. Из уважения интересовался. Не иначе. А ты что ответила?

В е р о ч к а. Сказала, сами увидите, Виталий Андреевич.

М а р о ч к а. Умничка! Никогда не надо говорить – хорошо или плохо. Сами увидите – сами решите, хорошо это или плохо. Никогда не надо навязывать свое мнение. Терпеть не могу, когда мне руки выкручивают. Вот если я сама дойду до какой мысли – тогда уж, извольте, получайте.

В е р о ч к а. А если не дойдешь? Подсказывать-то можно?

М а р о ч к а. Тактично. Великое дело – такт. Вот Виктор кобенится, а чего, собственно говоря, кобениться? Если я не хочу. Ну не хочу им отдавать свою квартиру!

В е р о ч к а. За тебя, должно быть, переживают. Хотят как лучше.

М а р о ч к а. Мне и с тобой хорошо. Замуж пока не собираешься?

В е р о ч к а. Нет, Марочка. Мне достаточно одной любви. Больше не надо. На всю жизнь ее хватило.

М а р о ч к а. Хорошо, Господь уберег тебя тогда.

В е р о ч к а. Когда? Ты о чем?

М а р о ч к а. Да брось ты! Как будто никто ничего не знает! Про это пол-Тулы знает! Виктор рассказывал.

В е р о ч к а. Виктор? Виктор про это никак не мог знать.

М а р о ч к а. Как муж тебя послал куда подальше? Когда ты приехала к нему, сказать, что беременная вторым ребенком, а он тебя – послал!

Пауза.

В е р о ч к а. Я не осуждаю его. Он тогда в тюрьме сидел. Может, не хотел нас пачкать. Вот и отказался. Да, фактически отказался. Но он милиционер. Ему, может, что-то большее было известно, чем нам.

М а р о ч к а. А у тебя выкидыш случился.

В е р о ч к а (*согласно*). Случился. Если бы гаишник меня не остановил – я бы так далеко заехала... Я уже сознание теряла от потери крови. Как перебирала ногами педали, какие, – ничего не помню. Носилась, как угорелая, на своей машине! Я не хотела жить.

М а р о ч к а. Правильно, что ты развелась с ним. Не очень красиво, конечно, получилось. Ведь он в это время сидел. Ты, как бы, предала его.

В е р о ч к а. Я не предавала. Это он меня предал. И своего сына. И не рожденного сына. И нашу любовь. Он все убил и растоптал. (*Пытается заплакать.*)

М а р о ч к а. Но ведь ты его простила?

В е р о ч к а. Совсем недавно.

М а р о ч к а. Несмотря на то, что он оставил тебя без жилья, без куска хлеба. Несмотря на то, что от сына отказался. Что унес из квартиры твоих родителей все, вплоть до последнего бокала.

В е р о ч к а. Я бы все равно все разбила.

М а р о ч к а. Ты и так все разбила. И в первую очередь – свое сердце.

В е р о ч к а (*плачет*). Нужно мне такое сердце! Пустое! Холодное! Без любви и радости!

М а р о ч к а. И я про то же. Бери своего сыночка из Тулы – и ко мне. Перебейрайся. Насовсем.

В е р о ч к а. Э, нет, Марочка! Мне этого делать нельзя.

М а р о ч к а. Это почему еще?

В е р о ч к а. Ну кто я для тебя? Сама подумай. Чужая девушка! Чужая кровь. У тебя своих полно родственников. Ты видела, приезжали на Новый год? Как на демонстрацию!

М а р о ч к а. Видела, и что?

В е р о ч к а. Как косились на меня?

М а р о ч к а. Косые люди – вот и косятся. Не обращай внимания.

В е р о ч к а. Я так не могу.

М а р о ч к а. Ты вчера, смотрю, что-то писала. Уж не новую ли повесть?

В е р о ч к а. Так, какие-то обрывки мыслей.

М а р о ч к а. Прочитай.

В е р о ч к а. И не проси, Марочка!

М а р о ч к а. Я – именинница!

В е р о ч к а. Это очень личное.

М а р о ч к а. Личное – не личное... Я все про тебя знаю! «Личное!».

В е р о ч к а. Это интимное.

М а р о ч к а. Обожаю интимное! Я все кассеты к магнитофону покупаю только интимные. Когда ты уходишь, мы с Безносиковым включаем. Краснеет, как юноша. Давай, читай. Ну, подари мне на день рождения, Вера. Кстати, куда ты все время уходишь?

В е р о ч к а. Никуда. Только маленький отрывочек, ладно?

М а р о ч к а. Хоть маленький. Мне нравится, как ты пишешь. Сикорская

обещала показать кое-кому. Она такая проныра! Ты не гляди, что ей под восемьдесят! Обязательно пристроит! Иначе я ее на порог больше не пушу! Пусть сидит в компании своего Аркаши. Тебе нравится Аркаша?

В е р о ч к а (*не отвечает, читает*). «Если бы она ему сказала «нет», ее сердце все равно сказало бы «да». Потому что в ее груди давно загорелся пожар, пламя которого жгло губы и щеки, а жар польхал в том месте, о котором мечтают многие мужчины, когда видят перед собой...

В проеме двери появляется Сикорская – с отвисшей челюстью: то ли от природы, то ли от услышанного. В руке пакет. Верочка, не замечая, продолжает.

... ладно скроенную женскую фигурку.

Она сказала «да» – и его сильные руки взяли ее горячее тело, точно горящую сигаретку, помяли нежно в пальцах, потом подняли и поднесли к своим губам. Она про все забыла. Ветер страсти срывал с них куски материи, которые только-только еще назывались одеждой, швырял их в лицо холодному рассудку.

Она горела ярко и быстро. Она ждала, что ее сейчас обожжет холодный лед ревности, который должен был отколоться от большого сердца этого породистого мужчины. Но льда не было. Он вошел в нее точно горячая молния – острыми углами зигзага».

Марочка встает, в волнении ходит по комнате.

М а р о ч к а. Странно. Очень странно, Верочка. Все написано так, точно от моего имени и от моего лица.

В а л е н т и н а М а т в е е в н а (*протягивая пакет*). Марочка! Ма-роч-ка!

М а р о ч к а. Сикорская, только без твоего официоза!

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Да, я с официозом! Старый шамкающий рот, но платье!.. Ты посмотри, какое вечернее у меня платье! (*Небрежно крутится перед Марочкой*.) Верочка, скажите, какое прелестное вечернее платье на мне!

М а р о ч к а. Не юроствуй, Сикорская! Ты мне в своем дражном халате – ближе и родней, чем в вечерних туалетах! И рот у тебя блестит не хуже тульского самовара! В то время, как страна бедствует и находится в напряженном трудовом ритме!.. Постыдилась бы своего золота!

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. А-а-а!/? Мой рот – тульский самовар! К-к-какая бестактность! Верочка, как вам это сравнение? А чем вам, собственно, мой халат не нравится? На нем – даже ни единой заплаточки!

М а р о ч к а. Конечно, одни дырки!

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Язва! Пока не забыла – по порядку: курица у меня. Ты помнишь?

М а р о ч к а (*передразнивает*). «Помнишь!» И я пока не забыла: она написала изумительную повесть...

В е р о ч к а (*перебивает*). Не повесть еще...

М а р о ч к а. Молчи! (*Валентине Матвеевне*.) Сама прочтешь – и поймешь, как она у нас талантлива! Пристрой немедленно, поняла, Матвеевна?

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Поняла. Я знала, что Верочка – прелесть. Мой Аркаша от нее без ума. (*Оценивающе оглядывает комнату*.) Золотые руки!

В е р о ч к а (*просительно*). Ну, Валентиночка Матвеевночка!

М а р о ч к а. Давай без Аркаши, Сикорская! Для Аркаши ищи в другом месте. Мы для Верочки помоложе партнера найдем. Сначала сексуального – чтобы здоровье женское поправить, а там уж – для души.

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. А почему мой Аркаша для души не подойдет? И ходить далеко не надо – соседи. Семей будем, Марочка!

Марочка. Теперь понимаю, почему тебя в издательстве всегда только ВМС и звали. Ты – не Валентина Матвеевна Сикорская.

Валентина Матвеевна. Не спорю, я – внутриматочная спираль.

Все смеются.

Марочка. То, что надо, ты вовек не пропустишь мимо себя!

Валентина Матвеевна. Хорошо. Для Верочки я все сделаю, Марочка. Обещаю. Как скажете. Да, чуть не забыла: когда ее ставить в духовку?

Марочка. Кого? Верочку?

Валентина Матвеевна. Господи! При чем тут Верочка? Курицу!

Марочка. Скажу, когда! *(На Верочку.)* Когда нам курица нужна будет, Верочка?

Верочка. Ну, наверное, когда Виктор придет.

Марочка. Как придут эти тульские пряники – и поставишь, поняла?

Валентина Матвеевна *(непонятно отчего вздыхает)*. Поняла. А теперь – поздравление. Готовы?

Марочка *(обрывает)*. Что ж ты не по-людски, Сикорская! Надо ж при гостях, за столом, чтобы все слышали – какая ты умная и какая я вся из себя... достойная!

Валентина Матвеевна. А я по-простому. Пока никто не встречается. Да и раздражают меня ваши тульские! Прости меня, грешную!

Марочка. Ну, по-простому – так по-простому!

Валентина Матвеевна. Поэт сказал: «Когда пробьет последний час природы, состав частей разрушится земных, все сущее опять покроют воды...»

Верочка *(подхватывает)*. «И Божий лик отобразится в них».

Валентина Матвеевна. Верочка, ты умничка! Марочка, я тебе желаю, чтобы последний час природы для тебя не пробивал еще долго-долго-долго! Еще, по крайней мере, лет двадцать. А можно, и тридцать!

Марочка. Спасибо! Что, девочки? Может, пока никого – междусобойчик организуем? По бокальчику, а?

Верочка приносит поднос с бокалами, бокалы разбираются.

Ну, за последний час природы, который, надеюсь, придет к нам еще не скоро!

Верочка. За Марочку!

Валентина Матвеевна. За Марочку! За ее тонкую натуру! *(Марочке.)* Ты же знаешь, как я искренна!

Марочка *(незаметно водит бокалом возле носа)*. Знаю.

Пьют. Музыка.

Вторая картина.

Марочка и Верочка вдвоем. Звонок в дверь.

Марочка. Они! Верочка, посмотри в глазок!

Верочка убегает, тут же возвращается обратно.

Верочка. Угадала – Виктор с женой и с детьми.

Марочка. Ты иди, встречай, а я марафет наведу. *(Убегает в другую дверь.)*

Верочка бежит открывать. Возвращается с гостями –

Виктором, Ташей, Павликом и Еленой. В руках – баулы, хозяйственные сумки. Павлик незаметно щиплет Верочку за попу, делает ей выразительные глаза.

В и к т о р (*Верочке*). Привет-привет! Ты еще здесь?

В е р о ч к а. Как видите.

Т а ш а. Понравилось нафталином дышать?

В е р о ч к а. Я готова в любое время уйти, Наталья Евгеньевна.

Е л е н а. Видим, как уходишь! Бежишь – и падаешь!

Неловкая пауза.

П а в л и к. А я уже кандидатскую защитил – и свободен, как Ниагарский водопад! Я думаю: а не пора ли мне жениться?

В е р о ч к а. Хорошая мысль, Павел Викторович.

П а в л и к. Меня, между прочим, в Левада-Центр пригласили работать. Ты знаешь, что такое Левада-центр?

В е р о ч к а. Нет, не знаю.

Т а ш а. Откуда она может знать про Леваду! (*Тихо*.) Она от старухи не отходит ни на минуту. Об-ра-ба-ты-ва-ет! Чтобы нашу квартиру заграбастать!

В и к т о р. Ничего! Мы – пуганые-стреляные воробьи! Не таких строили! Разберемся без сопливых!

П а в л и к. Левада, между прочим, был крупнейший отечественный социолог, Верочка! Представляешь? И он меня приглашает! Заметил! Виды определенные имеет!

В е р о ч к а. Покойник? приглашает? Ты веришь в загробную жизнь?

П а в л и к. При чем покойник? При чем загробная жизнь, деревня! Здесь его ученики, последователи!

Т а ш а. Чтобы в Туле заметили, из самой Москвы – это, значит, надо что-то иметь за душой.

В е р о ч к а. Поздравляю. Я рада за тебя.

Т а ш а. Это тебе не чужую квартиру караулить, да втихаря под себя ее грабастать!

П а в л и к. Ну, коль рада, то поцелуй в щечку.

В е р о ч к а. Обойдешься!

Т а ш а (*строго*). Павлик!

П а в л и к. Уж и пошутить нельзя!

Т а ш а. Шути в другом месте. И с другими людьми. А с ней... надо серьезно поговорить! Уж больно она верткая тут, в Москве, стала! Загробную жизнь поминает!

В и к т о р (*на загробную жизнь*). Кстати, а где мамочка? (*Зовет*). Мамуля! Мамуля! Марочка! Мы с подарками!

В е р о ч к а. Она сейчас! Приводит себя в порядок.

Т а ш а (*в сторону*). Опять эти глупые фокусы! Королевишна еще не готовы! Господи, когда же ты ее приберешь к себе? Сколько людей вздохнуло бы!

Е л е н а (*Верочке*). Папа говорил, ты с ремонтом задержалась. Я скоро тоже сюда перееду. Буду работать в Боткинской больнице, Харитоновна.

В е р о ч к а. С ремонтом – в том числе. А так – еще некоторые обстоятельства.

В и к т о р. Какие обстоятельства? Ты мне ничего не говорила про обстоятельства.

В е р о ч к а. А что можно о них сказать? Сегодня их нет, а завтра – пожалуйста. Вчера, вот, опять она пластом лежала с давлением. Помирала. «Скорая» не отъезжала.

В и к т о р (*тревожно*). «Скорая»?

Т а ш а. Ничего, ничего... Только не волнуйся, Витя! Я знаю, как ты любишь маму!

В и к т о р. Умирала?
В е р о ч к а. Да. На всякий случай и со мной попрощалась. Тебя, Виктор, звала.

Виктор и Таша тревожно переглядываются.

В и к т о р. А нотариуса не звала? Про квартиру ничего не говорила? Кому достанется?

В е р о ч к а. Никого больше не звала.

Т а ш а. Ну, вот видишь! Все обошлось, Витя. Все хорошо! *(Верочке.)* А устно ничего не завещала?

В е р о ч к а. Это как понять?

Т а ш а. А чего тут непонятного? Может, намекнула: мол, квартира твоя будет, Верочка?

В е р о ч к а. Не говорила. Да и не нужна мне чужая квартира. У меня своя есть. В Туле.

Е л е н а. Что-то не спешишь ты в Тулу!

В е р о ч к а. Просто здесь у меня дела. Вот закончатся – и уеду.

В и к т о р. А не темнишь? Ты и на Новый год обещала – съеду через месяц. И что? Полгода прошло!

В е р о ч к а. Взяли бы тогда – и сами ремонт делали.

В и к т о р. Нам твой ремонт не нужен был!

Е л е н а. И это – называется ремонт, Вера? Сидеть дома, нигде не работать – и так сикось-накось наляпать? Я и то лучше бы сделала!

П а в л и к. Такой и я, сделал бы. Несмотря на свою научную деятельность.

Т а ш а. Витя, и ты веришь ей?

Виктор пожимает плечами.

П а в л и к. Лично я – нет! Верочка темнит. У нее здесь либо сердечные дела, либо расчеты на бабушкину квартиру.

Т а ш а. Правильно, сынок! Ремонт – это только повод у нее здесь жить. А чего вы ждали! Сейчас все так стариков обрабатывают! «Уход», «ремонт» и финальным аккордом – «цветной телевизор в подарок»!

П а в л и к. Посмотрите на том свете – есть ли жизнь на Марсе? Что, готовишь нашу бабушку к загробной жизни?

Т а ш а *(напористо, нагнетая обстановку)*. Мы все знаем, Вера, вы между собой уже давно обо всем договорились.

В е р о ч к а. Кто договорился?

Е л е н а. Ты с сообщником! Ну, как его...

В и к т о р. С хахалем, короче.

В е р о ч к а. Да с каким еще сообщником? Вы что, белены объелись?

В и к т о р. А ты дурочкой не прикидывайся!

Е л е н а. Ноги от шен не растут. Папа в банке не работает. И сороковник на носу. *(Поет.)* « А счастье было так близко, так возможно...».

В е р о ч к а *(резко)*. Ты чего ополчилась, Кособрюхова? Забыла, как я в школе за тебя заступалась? Я тебя за родно считала! Нет, ну вы и уроды! Вы свихнулись! У вас сдвиг по фазе из-за этой квартиры!

Т а ш а. А ты не выделяйся! Лучше скажи честно: вы ничего еще за нашей спиной не сотворили? *(Больно заламывает ей руку.)* Сознайся!

В е р о ч к а. Не сотворили, Наталья Евгеньевна, не переживайте. Можете лицевой счет посмотреть. Я сама за себя плачу, по квитанции. Разумеется, не прописана.

П а в л и к (*громко*). Предки, какую комнату мне выделяете?

В и к т о р (*шикает на него*). Тише ты, ученый! Чего разорался? Вдруг она за дверью стоит! (*Громко*.) Мы сегодня с такими гостинцами!

Т а ш а (*Павлику*). Займешь ту, в которой сейчас Верочка... Там эта хорошая... Как уж ее?

Е л е н а. Аура. Верочка, как кошка, знает, где ей прилечь.

Все открывают дверь в соседнюю комнату, цокают языками.

Т а ш а. Какая лепота! Лепота!

П а в л и к. А мы с Верочкой на такой узкой кровати не уместимся!

В е р о ч к а. Уместимся, Павел Викторович. Я буду под вами лежать! Тихонько. Если позволите.

Т а ш а. Ну ты и оборзела в последнее время, девка! Такое говорить! При взрослых! Виктор, ты слышишь, что говорит твоя племянница? Оборзела!

В и к т о р. Слышу. Слышу! (*Нервно, громко*.) Кто же обои с центра клеить начинает? С угла надо начинать! С угла пошла – и пошла! И пошла!

В е р о ч к а. Учту в следующий раз.

В и к т о р. Нег уж! Следующего раза не будет!

Т а ш а. Не допустим!

В е р о ч к а. Это почему еще?

В и к т о р. Ты сегодня же соберешь свои манатки – и уедешь в Тулу!

В е р о ч к а. Зачем? Мне и в Москве нравится!

Е л е н а. Как можно в Тулу! Она же приехала столицу покорять! Это нам надо в Туле сидеть и в задних проходах местной элиты ковыряться.

В е р о ч к а. Каждый занимается своим любимым делом.

Е л е н а. Ты на что это намекаешь?

В е р о ч к а. Ни на что не намекаю. Если ты выбрала профессию врача-проктолога, Гиппократу клятву дала – чего же роптать! Это же твое любимое дело? Не так ли?

Т а ш а. Какая ты стала сука, Вера!

Е л е н а (*на Верочку*). А разговорилась! Разговорилась! Как будто она – добropорядочная жена и мать! Да ты кукушка последняя! Ты же ничто! И имя тебе – Никто, Харитоновна!

В и к т о р. Слушай, Вера! Пока она там сурьмит свои брови, пошла бы ты отсюда! Культурненько! Кто ты в этом доме? И правда – никто!

Т а ш а. Кыш отсюда! Слышишь! Давай, канай!

Е л е н а. Дома у нее ребенок, а ей – хоть бы хны! Присосалась к старухе, сосет из нее пенсию и сосет! Сосет и сосет!

П а в л и к. И правда, Верок, пошла бы, пока не получила в задок!

Таша идет в Верочкину комнату, возвращается оттуда с дорожной сумкой.

Т а ш а. Твоя?

В е р о ч к а. Моя.

В и к т о р. Бери в зубы – и на вокзал. А лучше – на автостанцию. Там через полтора часа автобус уходит. Как раз успеешь.

В е р о ч к а. Я не могу ее бросить. Это будет предательством с моей стороны.

Е л е н а. Сына бросила на родителей в Туле – не предательство, а уехать от чужой старухи, у которой прямой родни полно – это предательство! Не абсурд ли это?

В е р о ч к а. Извините, но с вами я свое местонахождение обсуждать не собираюсь. Это пусть она решит, где мне быть и с кем. И заметьте: я ни на что не претендую.

Т а ш а. Тем более. Тебе нечего терять. А нам – есть что.

В и к т о р. Поэтому, давай, дуй отсюда!

В е р о ч к а (*Виктору*). Виктор, я же не виновата, что она считает меня своей внучкой.

В и к т о р. Ты такая же внучка, как я – е...гипетская мумия! Простите, дети, за слово «мумия»!

Пауза.

Вера, ты что себе позволяешь? Я слышал, что ты начала какие-то рассказы-ки кропать... Но одно дело – ваша дохлая беллетристика, а другое – реальная жизнь! Что это еще за рассказы такие – «внучка»?

Т а ш а. Ее давно за волосы не таскали! Правильно твоя бывшая свекровь сказала – проститня!

Е л е н а. Чего мужа бросила? Секса захотелось! Не стала ждать, когда он с нар слезет! И кто ты после этого!? А мы – порядочные! В семьях живем! Работаем!

П а в л и к. Мы там пашем, почву для похорон готовим...

Виктор отвешивает сыну подзатыльник – тот тянет, видимо, привычное «мама».

В и к т о р. Кстати! Устами младенца!.. Ты знаешь, что такое нынче похороны?! Ты даже не представляешь, какой это адский труд и ответственность! Сколько денег надо извести! А мы этим живем! Мы тратимся! И ты тут! Ты-то при чем?

В е р о ч к а. А я не возражаю. Хороните, ради Бога! Ваша мать! Родная! Можете прямо сейчас и похоронить!

Шорохи за сценой.

В и к т о р (*испуганно вслушивается*). Тихо вы! Она может слышать.

В е р о ч к а. Не может, а слышит. Она обо всем давно знает.

В и к т о р. О чем?

В е р о ч к а. Что похоронить ее живой готовы.

В и к т о р. А мы – ничего! Мы ремонт смотрим. (*Громко, играет.*)

Т а ш а. Хороший ремонт получился! Чистенько все, аккуратненько!

В и к т о р. В таких хоромах нашей мамочке теперь только жить да жить!

Появляется М а р о ч к а. Все смотрят на нее в изумлении. Она – в платье с глубокими разрезами и с открытой спиной, на ногах – туфли на каблук.

М а р о ч к а. Чего уставились?

П а в л и к. Вот это уровень! Евроремонт! Теперь сразу понятно: дом на Фрунзенской!

М а р о ч к а. Поздравляйте, пряники вы тульские! Что, первый раз на дне рождения участвуете?

В е р о ч к а. Марочка! Откуда это все? Я не видела таких туфель!

М а р о ч к а. Каблучок – пять сантиметров. По заказу Безноскова купила. Говорит, в театр будем ходить.

Все подозрительно переглядываются.

Болтает, возможно, но почему бы не поверить? Как ты, Верочка?

В е р о ч к а. Почему бы и не поверить!

Т а ш а. А спина? Спину по чьему заказу оголили?

М а р о ч к а. Спина – это особая статья. Я видела в журнале у одной известной актрисы. Не нашей. Очень вызывающе, но эффектно. Неотразимо!

В е р о ч к а. Что неотразимо – это точно! Сто процентов!

М а р о ч к а (*заметив, что дверь в ее комнату открыта*). Это кто в моей комнате хозяйничает?

В и к т о р. Мы так, мама, смотрели...

Т а ш а. Смотрели ремонт, Марочка. Очень хороший ремонт! Молодец Верочка! Умница!

М а р о ч к а. Что Верочка молодец, – я и без вас знаю. А вам я, кажется, еще в прошлый раз сказала: по моей квартире вам рыскать нечего!

П а в л и к. Мы считали метры – хватит нам их или нет, бабуля.

Т а ш а (*хватается за голову, в сторону*). Ой, дурень!

М а р о ч к а. Хватит! Не переживай, Павлик. Повторяю еще раз: по квартире – не шастать! Я по вашим квартирам не шастаю? – Нет! И вам не советую. Иначе больше на порог не пушу. Ишь, какие архаровцы!

В и к т о р (*обиженно*). Больно нам надо!

М а р о ч к а. Вот это мужской разговор! И больше никогда, Витя, слышишь, никогда не иди на поводу у своей Натальи!

В и к т о р. Я и не хожу.

М а р о ч к а. Вот и славненько! (*Замечает ковер*.) Ба! Да тут ковер-самолет!

Т а ш а. Уж мы-то по-людски!

М а р о ч к а. Какие вы реактивные! Хвалю! Прилетели – улетели. Люблю скорость!

Неловкая пауза.

(*Весело*.) А чего это мы не танцуем? Что это мы тут такие кислые? Я же не говорю, чтобы вы сейчас прямоком на своем ковре-самолете и улетели! Потанцуем! Поприжимаемся! А еще – пряники! Какие вы, к чертям собачьим, пряники! (*Верочке*.) Верочка! Зови Безносикова! Я думаю, пора начинать!

Марочка включает магнитофон, подходит к Виктору.

Надеюсь, ты не против пройти кружок с престарелой женщиной.

В и к т о р. С такой женщиной – не против.

Музыка.

Марочка и Виктор танцуют.

Третья картина

Марочка, Виктор, Таша и Верочка.

Таша хлопчет возле стола, достает из сумки снедь.

Т а ш а. Все свое! Марочка! Чистая экология! Грибочки! Помидорчики-огурчики! Наливочка! Ты понюхай!

М а р о ч к а (*Верочке*). Иди к Матвеевне, пусть пластает курицу на соль.

Т а ш а. Зачем курица? Хотя – пусть будет! На горячее! А все остальное – наше! Родное! Тульское! Ты только понюхай!

М а р о ч к а (*Верочке*). Иди, иди!

В е р о ч к а. А на гарнир?

М а р о ч к а. На гарнир – картошка. Да пускай поворачивается! А то, как всегда, скрипит много, а ехать-не едет! Телега старая!

Т а ш а (*о своем*). Все свое! От чистого сердца! Понюхай, Марочка!

Марочка небрежно отмахивается. Верочка хочет убежать.

М а р о ч к а (*останавливает ее, проникновенно*). Аркаша на колени перед тобой припадет – не фыркой. Будь потерпеливей, поняла?

В е р о ч к а. Поняла! Стерплю!

Все переглядываются.

М а р о ч к а. Не обижай парня. Уязвишь – не будет больше нас на «Динамо» к бабе Розе возить.

В е р о ч к а. Не уязвлю.

М а р о ч к а (*тихо*). Нам сегодня, возможно, еще ехать с ним.

В е р о ч к а. Куда?

М а р о ч к а. Пока не знаю. Но не исключен такой вариант.

В е р о ч к а убегает.

М а р о ч к а (*вслух*). Неплохой Аркаша. И ухаживать умеет. Только староват для Верочки.

Т а ш а. Сколько ему?

М а р о ч к а. 54 года.

Т а ш а. И совсем небольшая разница – 24 года! Зато квартира какая! На одной площадке!

В и к т о р. Быстрее помрет – быстрее свободна будет.

М а р о ч к а (*подозрительно*). Кто? Квартира?

В и к т о р. При чем квартира? Верочка!

М а р о ч к а. На себя лучше посмотри, Виктор!

Т а ш а. А что ему смотреть? У него жилищный вопрос решен.

М а р о ч к а. У Верочки – тоже. Это не ваша забота – ее жилищный вопрос обсуждать.

В и к т о р. А кто о ней позаботится? Какая-никакая, а родня!

М а р о ч к а. Позаботятся! Найдутся хорошие люди!

Т а ш а. Кому она нужна такая?

М а р о ч к а. Какая?

Т а ш а (*мнется*). Нелюдимая... Неприветливая... Не нравится она мне. И что ты в ней нашла? Думаешь, Леночка хуже?

М а р о ч к а. Нормальная она, Верочка. Мне нравится. Сама я о ней позабочусь.

В и к т о р. Мамочка, я запомнил, сколько квадратов в твоей квартире?

М а р о ч к а. А тебе зачем? Ты опять за свое?

В и к т о р. Ты можешь обижаться, можешь – нет, но пойми правильно. Я хочу, чтобы ты прописала у себя моих детей.

М а р о ч к а. На каких основаниях?

В и к т о р. На законных. Они же твои родные внуки.

М а р о ч к а. В какой-то степени.

В и к т о р. Что значит, в какой-то степени? Откомментируй, пожалуйста.

М а р о ч к а. Потом. Дальше что? Я слушаю внимательно.

В и к т о р (*вскинув брови*). Почему «в какой-то?».

Т а ш а. Ой, да ладно тебе, Витя!

В и к т о р. А я требую!

Молчание.

Ну, хорошо. Молчу. Детям надо развиваться. А где это лучше можно сделать? Конечно, в Москве! Им здесь работу престижную предложили.

Т а ш а. Павлика аж в Левада-Центр пригласили! Леночка тоже будет в Боткинской работать. В самой Боткинской! Случись что – под присмотром профессионального врача будете.

М а р о ч к а. Я и так под присмотром. Я на Верочку не жалуюсь.

В и к т о р. Верочка хорошая девушка, но она чужая.

М а р о ч к а. То она – родная, то – чужая. И как вас понять?

В и к т о р. Выдели им две комнатки, пропиши...

Молчание.

А, Марочка?

Т а ш а. С Леночкой горя знать не будете: и вылечит, и помоеет, и об...
(*Осекается.*)

М а р о ч к а. Обмоет...

Т а ш а. И деньги не возьмет. Это главное для престарелых людей.

М а р о ч к а. Откуда вам знать, что для престарелых – главное?

Т а ш а. Как будто вы первая, кто стареет в этом мире! Старели и до вас, Мария Федоровна!

М а р о ч к а. У Леночки – муж придурок. Не хватало перед соседями позориться на старости лет!

Т а ш а. Он нормальный, Марочка. Вполне! Просто работа у него такая...

М а р о ч к а. В Москве как будто мало мужиков-гинекологов, но таких придурков я не встретила! Хорошо, понял, не приезжает больше. Терпеть не могу!

В и к т о р. Ты не терпишь!.. Зато руки у него золотые: хоть по столярке, хоть по сантехнике, хоть по своей части...

М а р о ч к а. В моем старом женском хозяйстве, Витя, уже нет необходимости возиться. Вон, пусть Безносиков от скуки этим занимается!

В и к т о р. Ты с каждым годом все испорченной становишься, мама.

М а р о ч к а. Это ты испорченный! (*Таше.*) Слушай, Наталья, как ты живешь с этим занудливым мужиком?

Т а ш а. Почему – занудливый? Он у меня хороший. (*Виктору.*) Ты ведь хороший? (*Сюсюкается.*) Холесий?

М а р о ч к а (*передразнивает*). Холесий! Ты любовника хотя бы имеешь?

Т а ш а (*краснеет*). Какого любовника? Вы о чем говорите, Мария Федоровна!

М а р о ч к а. Да будет тебе краснеть!

Т а ш а. Ничего я не краснею!

В и к т о р. Наоборот, она побелела от такой глупости!

М а р о ч к а. Без любовника, Наталья, ты давно бы увяла! А так ты еще ничего! Пышечка!

В и к т о р. Мама!

М а р о ч к а. Знаю, тебе некогда этим заниматься. И тяжело. Ты и не возражаешь, что твоя Ташенька гуляет.

Т а ш а. В мои-то годы!.. Мария Федоровна!

В и к т о р. Как тебе не стыдно, мама! Я тридцать лет отдал службе в органах! Я – бывший подполковник! Я Афганистан прошел!

М а р о ч к а. Мог бы не летать туда!

В и к т о р. Мог? А долг?!

М а р о ч к а. Долг! Вот твой долг! Рядом! Это она тебя благословила на Афганистан! Думала, дубленку ей привезешь. Кожаное пальто. Помню, как она бредила кожаным пальто! (*Таше.*) Забыла, как кидалась на этого хлюста из министерства торговли? Который в крайнем подъезде живет? Даже меня не стеснялась!

Т а ш а. Вот заноза!
В и к т о р. У нас с Ташенькой, мама, если помнишь...
М а р о ч к а. Вершина любви.
В и к т о р. Какая «вершина любви»?
М а р о ч к а. Это песня такая. Помнишь: «И вершина любви: это чудо великое – дети»!
В и к т о р. Именно это я и хотел тебе сказать!
М а р о ч к а. Именно так я и поняла.
В и к т о р. Вершина – не вершина, но это наши совместные дети.
М а р о ч к а. Они от разных мужиков.
В и к т о р. Ты с ума сходи, но не очень-то! Не очень! И не своди с ума других!
Не надо! Слышишь, не надо! У меня тоже нервы! У меня тоже – амбиции!
М а р о ч к а. Засунь себе в задницу свои амбиции! Она сама, может, тебе расскажет! (*Taue*) Ведь расскажешь, Наталья?
Т а ш а. Что?
М а р о ч к а. Ой, и правда – что рассказывать?! Мы ничего не знаем! О чем вы, Мария Федоровна?
Т а ш а. Вечно вы с пошлыми намеками, мама.
М а р о ч к а. А Финляндия? Расскажи, как тебе счастье подваливало в турпоездки в Финляндию ездить! Из занюханной Тулы! Да не раз!
В и к т о р (*Taue*). Это правда?
М а р о ч к а. Натуральная! Могу партбилет положить на стол, если лгу!
В и к т о р (*Taue*). Таша, это правда?
Т а ш а. Дурак! «Правда!» Ты не видишь, что она хочет нас рассорить? Что-бы нас в дураках оставить!
М а р о ч к а. Если бы я не занималась любовью с кем хотела и когда хотела, разве сохранилась бы я в такой целости? А так – дожила до 76 лет! Слава Богу, жива-здорова, в памяти да еще интерес к противоположному полу не потеряла!
Т а ш а. Сама ни одной ширинки мужской не пропустила – и еще на честных женщин клеветает! Вы уж, Марочка, невинной королевы себя не считайте! Не надо!
М а р о ч к а. Да я ничего! Вы – нормальная семейка. Плохо только, что за собой в туалете не смываете. Не приучили еще себя к порядку. Но это дело ваше. Сами гадите – сами и нюхайте. Мне с вами не жить. И вам – тоже со мной не мучиться.
В и к т о р. В общем, мы тебя поздравили...
М а р о ч к а. Ну и скатертью вам дорога!

Пауза.

Все смотрят на нее непонимающими глазами.

Скатертью дорога, говорю!
В и к т о р. Спасибо, мама.
М а р о ч к а. Пожалуйста! Будете в наших краях – заходите еще! Можно не так часто. На следующий день рождения. Напомнить, когда он будет? 12 июня. В День России! Спасибо царю Борису! Теперь про мой День рождения даже невестка не забудет!
В и к т о р. Мы никогда не забывали.
М а р о ч к а. Вот и приезжайте. Через год.
В и к т о р. Обязательно, Марочка. (*Трет кулаками глаза.*) Спасибо за твою доброту! (*Уходит.*)

Пауза.

М а р о ч к а (*Таше*). Это чего он, Виктол-то? Уж не плачет ли? Не люблю плачущих мужчин! Терпеть не могу!

Т а ш а. А вы сами не видите? Довели родного и единственного сына до слез!

М а р о ч к а. Уж больно чувствительный он стал! Что ты с ним там, в Туле делаешь? Не бережешь совсем что ли?

Т а ш а. Да что вы, Мария Федоровна! Такой заботой окружила! Таким вниманием! Все соседи и друзья завидуют.

М а р о ч к а. А чему завидовать – не спрашивают?

Т а ш а. Как – чему? Хорошая жена, хорошие дети, хорошая мать в Москве.

М а р о ч к а. С квартирой на Фрунзенской...

Т а ш а. Тоже мне – удивила нищего горбушкой! Сейчас, вон, тульские дома за границей имеют. Теперь этим никого не поразишь! Это раньше все языками цокали: ах, у Марии Федоровны в соседнем подъезде сам Никита Сергеевич живет!

М а р о ч к а. Тише ты, прорва! В нашем доме говорить не принято – кто из руководства здесь живет.

Т а ш а. Простите, пожалуйста! У вас тут много чего не принято! И сыновьям помогать, и внукам – не принято. И человек человеку у вас тут – волк!

М а р о ч к а. Пожила я среди вас, агнецов тоже! Знаю! Не приведи Бог еще раз войти в эту реку!

Т а ш а. Ой, да чем же у нас плохо? И чем же мы сами плохи? Марочка, скажите, пожалуйста!

М а р о ч к а. Зависть и человеконенавистничество – вот ваши кумиры!

Т а ш а. А у вас – другие?

М а р о ч к а. Схожие, но не один в один.

Т а ш а. Да брось-а ты!

М а р о ч к а. Не говори мне, пожалуйста, «брось-а ты»! Как услышу вот это ваше базарное «брось-а ты» – я на стенку готова лезть!

Т а ш а. Пожалуйста – не буду. Только ваши кумиры – еще страшнее наших! Если у вас зависть – так в квадрате! А человеконенавистничество – в кубе! И еще спрашивают общественные деятели, писатели! Пути спасения ищут! Как обустроить Россию? Да как ее обустроить!

М а р о ч к а. Ты и знаешь, похоже?

Т а ш а. Снести надо это змеиное гнездо! Этот Дом на Фрунзенской! Отсюда все зло исходит! Здесь каждая дверь – страшнее Чернобыля!

М а р о ч к а. Неужели?

Т а ш а. Вам кажется, что мы дураки? Мы ничего не знаем?

М а р о ч к а. И вправду, чего раньше не спросили Кособрюховых?!

Т а ш а. На ваш дом саркофаг нужно одеть! На весь!

М а р о ч к а. А всех жильцов – в Москве-реке утопить!

Т а ш а. Только детей пожалела бы. Хотя, мне кажется, в этом доме и детей-то нет! Одни серые костюмы.

М а р о ч к а. Мыши?

Т а ш а. Может, мыши. А может, крысы. Вам видней.

Снова появляется В и к т о р.

В и к т о р (*Марочке*). Извини. Сорвался.

М а р о ч к а. Никак, высморкался, сынуля?

В и к т о р. Спасибо, Марочка. (*Таше*). Айда, Наталья.

Т а ш а. Ты что, слурел? Уж и пошутить с тобой нельзя!

М а р о ч к а. Никто не пошутил. Давайте-давайте, собирайтесь! Хотите за стол – пожалуйста. За стол на дорожку не сядете? Сейчас курица будет готова. Или сразу поедете? Пока не стемнело.

Т а ш а. Сядем. Потом поедем. Мы привыкшие ночью кататься.

М а р о ч к а. Да, это мы знаем. Разбойники только по ночам и ездят.

В и к т о р. Мы покушаем. За праздничным столом.

Т а ш а. Посидим.

В и к т о р. И вообще – мы намерены переночевать.

Пауза.

Но места, как сама понимаешь, всем не хватает.

М а р о ч к а. Не выдумывай, Виктор!

В и к т о р. Слушай, перестань, а! Какой я тебе Виктор?

М а р о ч к а. Какой? Мой сын! Который до десяти лет называл себя Виктолом.

Т а ш а. Марфа Федоровна, разговор совсем не об этом. Не уходите, пожалуйста, от темы.

М а р о ч к а. Если не Марочка, то Мария Федоровна! Поняла ты, самовар тульский? Ишь, пузень отъезла! Я проверю туалет после тебя. Самолично. Подозреваю, что ты больше всех гадишь у меня. Виктор на это не способен!

Т а ш а (*взывает к Виктору*). Виктор!..

В и к т о р (*раздраженно*). И ты еще!

Т а ш а. Прости, сорвалось.

М а р о ч к а. Правильно-правильно! Он же – сущий ребенок. Видишь, за подол твой как держится? Шагу без тебя не ступит.

В и к т о р. Удивляешь ты меня, мама!

М а р о ч к а. Знаю.

В и к т о р. Ты – злая и бессердечная!

М а р о ч к а. Чему удивляться! С такой родней-то!

В и к т о р. А еще про какую-то любовь говоришь! Какая любовь! Она и не ночевала никогда в твоём сердце!

М а р о ч к а. Ночевала.

В и к т о р. Нет, мама, не ночевала.

М а р о ч к а. Ночевала тучка золотая.

Молчание.

Вы что, приехали мне нравоучения читать? Или с днем рождения поздравить? Имейте в виду: от вас мне не нужно ни того, ни другого. И гадость эту вашу – со стола уберите! (*Морщится.*)

Входит Валентина Матвеевна.

У меня есть, кому нотации читать. (*На Сикорскую.*) Моя наставница! Так что ли, Сикорская?

В а л е н т и н а М а т в е е в н а (*нарочито менторским тоном*). Я старше тебя на два года. Прошу не забывать. Курицу чесноком натереть, Марочка?

М а р о ч к а. Непременно! Мы с Верочкой обожаем курицу с чесноком!

Вбегает Павлик.

П а в л и к. Слышали по телевизору, что сказал Левада-Центр?

Молчание.

Представляете, большинство россиян, оказывается, не понимает, что за праздник – День России!

М а р о ч к а. Граждане – за Ночь России?

П а в л и к. А при чем Ночь?! Я ничего подобного не сказал! Прошу запротоколировать!

М а р о ч к а. Протоколировали, Павлик. Собирайся домой.

П а в л и к *(не слышит)*. Просто национальный суверенитет – это профанация! Население не осмысливает сути национального суверенитета!

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Кто сказал?

П а в л и к. Левада-Центр!

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Неужели он уже так сказал? Какое бурное время! Слышите, Марочка? Какое несносно-бурное время! И это Левада-Центр говорит!

П а в л и к. А они меня к себе приглашают! Вы понимаете, в какой кипучий котел перетекает ваш сын и внук! Попомните мои слова: социологи подомнут под себя государственную власть! Мы больше не будем обслуживать эту гнилую чиновничью бюрократию! Мы пойдем дальше!

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Правильно сделаете, Павлик. Если вы сумеете подчинить себе государственную власть, вам полагается памятник. Идите, мой мальчик, к самодержавию!

М а р о ч к а. Что ты говоришь, Сикорская? Кто же им поставит памятник, если они подчинят государственную власть?! Ты соображаешь, что говоришь?! «Самодержавие»!

В и к т о р. Нашли, о чем спорить. *(Павлику.)* Иди, погуляй! Не мешайся под ногами, социолог!

Т а ш а. Да, Павлик, тут более важные вопросы обсуждаются.

П а в л и к. К примеру?

В и к т о р. Как подать курицу – с чесноком или без?

П а в л и к. Определенно – без. У меня, возможно, уже сегодня будет деловая встреча. Представьте себе, от меня разит чесноком! И что мне скажет мой новый работодатель?

М а р о ч к а. Скажут: ах, какой здоровый вкус у этого молодого человека! Он, похоже, не из легиона голубых!

П а в л и к. А по мне, Марочка, что бы ни думали! Лишь бы дело вышло!

М а р о ч к а. Вижу Ташину школу! Выгода любой ценой. Далеко пойдешь, Павлик. Если даже голубизна тебя не смущает!

П а в л и к. Да уж постараюсь не подвести тебя, бабуля!

М а р о ч к а *(Валентине Матвеевне)*. Сикорская, зови сюда Верочку. Я ей должна дать инструкцию.

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Они с Аркашей беседуют.

М а р о ч к а *(суетится)*. А что им, собственно говоря, беседовать? В день моего рождения!

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Ну, беседуют да беседуют! Какая беда!

М а р о ч к а. Беды никакой! Но уже пятый час! Пора и честь знать! Не в сумерках же за стол садиться!

Вбегает Елена – в руках бумажка.

Е л е н а *(злорадно)*. Видели? Вот, полюбуйтеся!

М а р о ч к а. Что это?

Елена подает бумажку Таше – та пробегает по ней глазами, лицо светлеет.

Т а ш а. Я же предупреждала. Девка – не промах! *(Протягивает бумажку Виктору.)*

В и к т о р (*цокает языком*). Ого! Я так и знал! Недооценили мы нашу Верочку! Вот, Марочка, полюбуйся! (*Протягивает бумажку*.)

Марочка берет бумажку, пробегает глазами, морщится, точно от зубной боли. С недоверием смотрит на Ташу – та презрительно пожимает плечами.

Т а ш а. Поверьте, уж тут-то я ни при чем!

Е л е н а. И еще выкаблучивалась!

М а р о ч к а. Читай, Матвеевна! А то у меня строчки перед глазами прыгают.

В а л е н т и н а М а т в е е в н а (*читает*). «Уход за больными и престарелыми. Центр. Круглосуточно. Вера».

Напряженная пауза.

Т а ш а. А вы думали, она только ради вас в аптеку бегает?

Марочка хватается за сердце.

В и к т о р. Да, мамочка! Страшное дело! Это надо же! У нее, выходит, еще пара стариков на прицеле! Ты только не волнуйся, я оперативно соберу информацию. Мы тебя в обиду не дадим! По моим каналам можно и МВД подключать!

М а р о ч к а. Павлик! Павлик! Иди скорее за Верой! И Аркадия позови! Надо во всем разобраться!

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. А при чем Аркаша? Он – государственный служащий. Я прошу его не впутывать в эти грязные дела.

Т а ш а. А ведь как невинно пела!..

Сначала уходит Сикорская, за ней следом – Марочка и Павлик.

Напряженная пауза.

В и к т о р (*с осознанием собственной важности*). Ничего, ничего! До выяснения обстоятельств дела, в целях тайны следствия, прошу всех сохранять спокойствие. При контактах с Харитоновой быть предельно бдительными! О всех подозрительных фактах сообщать немедленно! У матросов нет вопросов? Нет! Вот и хорошо! И вот еще что: надо срочно найти документы на квартиру! Даю санкцию на обыск!

Четвертая картина.

Вбегает Верочка, за ней Павлик – он обгоняет ее, преграждает путь.

П а в л и к. Стой!

В е р о ч к а. Пусти, кретин!

П а в л и к. Скажи честно, что у тебя с Аркашей?. Значит, Сикорская тебе помогает – и ты идешь по писательской линии?

В е р о ч к а. Тебя не спросили!

П а в л и к. А мне говорили, ты в салоне тут работаешь?

В е р о ч к а. Отвали, сказали!

П а в л и к. Говорят, эротический массаж делаешь?

В е р о ч к а. Общеукрепляющий. Больше не делаю.

П а в л и к. Изучала психологию межличностных отношений в голом виде? (*Скидывает брюки*.) Ну, давай, показывай, на что ты способна, сестричка!

В е р о ч к а. Дурак ты, братец! Кандидат социологических наук, а ведешь себя как последний колхозник!

П а в л и к. А ты ведешь себя как последняя дура! Иди! Только потом не

плачь, когда тебя зажарят как овечку! Твоих объявлений никто тебе не простит, поняла?

В е р о ч к а. Ты мне грозишь?

П а в л и к. Хочу предостеречь, чтобы не наделала глупостей!

Напряги извилины! Я тоже покручусь – и ты увидишь, какие разительные перемены во мне произойдут! Мне только начать. Только в доверие войти!

В е р о ч к а. А потом?

П а в л и к. Что «потом»?

В е р о ч к а. Что потом?

П а в л и к. «А что потом, а что потом?» – ты спрашивала шепотом.

В е р о ч к а. Что будет потом, когда войдешь в доверие?

П а в л и к. Это будет моей точкой опоры. И я переверну мир.

В е р о ч к а. Социология ничего не преворачивает. Она только обслуживает. И ты будешь обслуживать.

П а в л и к. Кого?

В е р о ч к а. Кого придется. Политиков, хозяйственников, олигархов.

П а в л и к. Тебя мог бы обслуживать. (*Щиплет за ногу.*) Ты – старух, я – тебя! Хорошая цепочка! Я серьезно, Вера.

В е р о ч к а. Спасибо. Как-нибудь сами. Без обслуживающего персонала.

П а в л и к. А зря! Мы можем с тобой вместе партию сыграть. Слышишь? Ты – красивая, умная... Предков можем кинуть.

В е р о ч к а. В смысле? Как кинуть?

П а в л и к. Не прикидывайся девочкой! Ты и я – и больше никого в этой квартире. У меня – будущее крупного социолога, у тебя...

В е р о ч к а. А у меня?

П а в л и к. У тебя – тоже светлое будущее.

В е р о ч к а. Заманчиво.

П а в л и к. Ну что, будем?

В е р о ч к а. Что «будем»?

П а в л и к. Не лмайся, Верочка.

В е р о ч к а. Зачем?

П а в л и к. За «надом»!

В е р о ч к а. Баран ты, Павлик! Вот что значит – по рогам еще не били! Пусти!

П а в л и к. Ну, сейчас я тебе раздвину!..

В е р о ч к а. А я – сдвину! (*Ловко бьет ногой Павлика между ног.*)

Павлик дико кричит, корчится от боли.

П а в л и к. Ну, зараза ты!.. Все ментовские штучки от мужа переняла!

В е р о ч к а (*издеваясь*). Вас, может, страхи какие беспокоят, Павел Викторович? Неосознанные? Нет? Беспокоят? Напрасно! Совершенно напрасно! Почти 80% молодежи, судя по социологическим опросам, не испытывают страха! Вы представляете?

П а в л и к. Тупица!

В е р о ч к а. Верно, тупая нынче стала молодежь! Живет животными инстинктами! За границу мечтает свалить! Как будто жизнь там – мед или рай! Вам известно, что более 50% молодых людей хотят свалить за границу? Вы тоже хотите?

Молчание.

Еще хотите, Павел Викторович?

Павлик, согнувшись, выходит на середину комнаты, ищет глазами диван, молча ложится на него, стонет. Входят Марочка, Виктор и Таша.

Т а ш а (взволнованно). Павлик, что с тобой?

Молчание.

Что с ним, Верочка?

В е р о ч к а. Похоже, диарея.

М а р о ч к а. О, боги! Этого только мне не хватало! Я как чувствовала, что ваши грибочки и наливочки – отравы! В рот пихали – ешь, мама! Мой туалет!

Т а ш а. Павлик, откуда у тебя диарея. Это она тебя заразила? Скажи, она? Уже успела? (Зовет Елену.) Лена! Леночка! Иди скорее сюда!

М а р о ч к а. Как подсовывали! (Передразнивает.) «Грибочки! Наливочка!»

В и к т о р. Мамочка! Как можно!

Входит Е л е н а.

Т а ш а (Елене). Ты видела? У брата – диарея! Где он мог ее подцепить! Он же никуда не выходил! (На Верочку.) Я только на нее грешу!

В е р о ч к а. Правильно, на кого еще! (Марочке.) Пусть валят все на меня! Я не возражаю! Мне же нет теперь веры! Вера без веры! Я пошла обратно к Сикорским. Сама проследи, чтобы Павел Викторович в туалете «а-а» где положено сделал! А то он любит шалить! (Уходит.)

Т а ш а. Леночка, что это? Почему он это?

Е л е н а. Жрать меньше надо – вот что, мама! Кто по дороге у вас выпросил три порции шашлыка! Причем поганого!

Т а ш а. А при чем еда? У него диарея!

М а р о ч к а. А у вас – шизофрения! Попробуйте только не смыть за собой, Кособрюховы! (Уходит вслед за Верочкой.)

Т а ш а. Виктор, что она себе позволяет? Иди за ней! Они опять помиряются! Эта аферистка опять ее уломяет!

За окном слышатся плотные потоки воды.

Е л е н а. Смотрите – дождь пошел.

Т а ш а (подозрительно). Какой дождь? Откуда дождь? Мы пришли с солнцем!

Е л е н а. А уйдем – в грозу!

П а в л и к. Как из брандспойта! Аномальное явление!

Раздаются какие-то раскаты – ошущение,

что все ветра и воды мира врываются в комнату. Таша бежит к окну.

В и к т о р. Наталья, не подходи к окну!

Т а ш а. Там человек! Я видела человека!

В и к т о р. Какой еще человек? (Марочке.) Мама, откуда там у тебя человек? (Зовет.) Мамочка! Мамуля!

Входит Марочка – на лице у нее маска, все от неожиданности гудят.

М а р о ч к а. Марочка как будто знает! Я за квартирой теперь не могу уследить – ходите все тут, кому не попадя, хозяйничают! Человек! Ну – человек! Где – человек? Нет – человека!

Марочка хлопает дверью, уходит обратно.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Пятая картина

Виктор, Таша, Павлик и Елена. Все суетятся у окна.

Павлик. Видите – строительная люлька?!

Виктор. Вижу, что не мотоцикл!

Таша. Дожили! Господи! За квартирой уже следят! Я говорила – человек! Я так и знала: она действует с сообщником!

Елена. Правильно, мама. Это сама бабушка установила слежку.

Виктор. А что, если это преступная группировка? Тогда всем кранты! Не только квартире! Надо проверить! Самим проследить! Павел, давай вниз дуй!

Павлик (*смотрит в окно*). В сотый раз говорю – строительная люлька. Водой стены поливают.

Виктор. Зачем?

Павлик. А я знаю! Может, какую новую технологию Лужков придумал. Слышал, любит он чудить! То улей новый сконструирует, то книжку «Развитие капитализма в России» перепишет! Мол, 100 лет спустя! Чудак, одним словом!

Виктор. Сам ты чудак! На букву «М»! Беги, говорят тебе, вниз, да все разнохай! Социолог!

Елена. Пошли, ученый! Папа всегда прав!

Павлик и Елена убегают. Виктор и Таша вдвоем.

Таша нервно ходит по комнате.

Таша. Надо обуздать ситуацию. Слышишь, Кособрюхов? На-до!

Виктор. Не называй меня так. Я тебе сказал!

Таша. всю жизнь – можно было, а сейчас – нельзя! Сколько лет ты был капитаном Кособрюховым? Забыл? Почти 10 лет! Пока в Афганистане не побывал!

Виктор. Я там воевал, а не побывал.

Молчание.

И не смей меня называть Кособрюховым! Не смей! Тем более, в этом доме.

Таша. Знаешь, меня меньше всего волнует твоя фамилия и твои переживания, с ней связанные!

Виктор (*усмехнувшись*). Открыла Америку! А до этого я не знал про твое отношение.

Таша. Тем более. Только вот ситуевину эту надо спасать! Как хочешь, но спасай!

Виктор. Как?

Таша. А ты не знаешь?

Виктор. Представь себе, – нет!

Пауза.

Тебе надо было ей на больную мозоль наступать?

Таша. Чего я? Ну чего я? Дело совсем не во мне. Ты не видишь, что они все тут мудрят – и Верочка, и Сикорская с Аркашей?

Виктор. А чего про Чернобыль надо было плести! Дом как дом! Люди как люди! (*Шепотом.*) Да если они узнают, что мы о них такое говорим, они житья нам здесь не дадут!

Таша. Обменяем.

Виктор. Думаешь, так просто здесь это делается?

Т а ш а. Продадим. Какой-нибудь звезде шоу-бизнеса. А на эти деньги три квартиры купим.

В и к т о р. В Марьино. Или в Бутово.

Т а ш а. Одну – в Бутово, а две – в центре.

В и к т о р. В Бутово, конечно, мы с тобой будем жить?

Т а ш а. Там, говорят, хорошо. Лес, воздух... Почти как в Туле. Тебе же нравится Тула!

Пауза.

Она ей дарственную напишет, как думаешь? Я думаю, она не простит ей этой выходки со стариками.

В и к т о р. Кто бы знал, с какой ноги встанет моя мама!

Т а ш а. Я тебя предупредила! Если что – твоя дочь Елена останется в Туле! И Павлик – тоже! Понял, Кособрюхов!

Молчание.

А Павлику большое будущее светит!

В и к т о р. Им и в Туле неплохо. Столько лет жили – и ничего! На свежем воздухе.

Т а ш а. Все жили мечтой о Москве. О доме на Фрунзенской набережной.

Звонок в дверь.

Т а ш а. Знаешь, Виктор, я тебе не прощу, если квартиру упустишь! И дети не простят!

В и к т о р. И внуки?

Т а ш а. Не юрждствуй! Тебе, военному, это не идет.

В и к т о р. Мне идет только «так точно».

Т а ш а. Только попробуй упустишь! Только смалодушничай у меня!

В и к т о р. Приговоришь к расстрелу?

Т а ш а. Что-нибудь придумаю! Лучше тебе не доводить дело до края!

Вбегает П а в л и к.

П а в л и к. Тревога с люлькой – ложная! Два мужика грязь со стен смывают!

Т а ш а. «Грязь смывают!»! Что-то с других домов пылинки не сдувают! А здесь – пожалуйста! Воду тоннами изводят!

Вбегает Е л е н а.

Е л е н а. Прошу внимания – сейчас такой цирк увидите!

Входят Марочка с Безносиковым.

М а р о ч к а. Знакомьтесь, мои родные. Это мой друг – Виталий Андреевич Безносиков.

П а в л и к. Еще один наследничек!

М а р о ч к а. Прошу любить и жаловать. *(На Виктора.)* Мой сын Виктор. Подполковник в отставке. В Афганистане побывал.

В и к т о р *(поправляет)*. Не побывал, а воевал.

Б е з н о с и к о в. Благородно.

М а р о ч к а *(на Елену)*. Моя внучка Леночка. Врач-проктолог.

Б е з н о с и к о в. О, проктолог! Актуально!

М а р о ч к а *(продолжает)*. Мой внучек Павлик – кандидат социологических наук. Говорит, что подомнет под себя государственную власть.

Б е з н о с и к о в. Желаю успеха!

М а р о ч к а. Моя невестка Гаша.

Т а ш а (*представляется*). Наталья. (*Тянет руку*.)

М а р о ч к а. Деньги, чур, не вымогать!

В и к т о р. Мама!

М а р о ч к а (*Виктору*). А то не знаю вас! Вечно – то червонца не хватает, то полтысячи.

В и к т о р. Когда это было!

Т а ш а. Мария Федоровна, ну зачем вы нас так позорите?

М а р о ч к а. Утретесь – физиономия больше блеснуть будет.

П а в л и к. Слышали? Ну, я – пас! Чтобы такое терпеть!

М а р о ч к а. Утретесь, говорю!

П а в л и к. Меня Левада-Центр на работу приглашает! А тут – какая-то маразматичка! (*Хлопает дверью, уходит*.)

М а р о ч к а. Чего это Павлик кобенится? Ты не знаешь, Виктор?

В и к т о р. Тебе лучше знать.

М а р о ч к а. Кобенится, как будто он депутат Госдумы!

Б е з н о с и к о в. Сам Жириновский! Люблю его за шарм! Взглядов не разделяю, но шарм – подкупает! Артист!

М а р о ч к а. А эти? (*Вспоминает*.) Ну – эти...

Б е з н о с и к о в. Они все тоже – беспредельщики!

М а р о ч к а. И Павлик – весь в них! Никакого воспитания! А кому его воспитывать! (*Смотрит на Ташу*.) Ну, ладно, я пошла себя в порядок приводить, а вы тут не балуйте! (*Безносикову*.) Будут приставать – крикни, Андреевич! Да все не говори, что спросят. Они все равно не поймут. А поймут – на свой лад извратят. Ты даже не представляешь, какие испорченные люди – мои родственники! И сыночек у них – видел, каков? (*Уходит, возвращается*.) С Верочкой – аккуратней! Поняли? Не суйте свои рыла в мою вазу! Сама разберусь!

Марочка уходит.

Пауза.

Б е з н о с и к о в (*неловко*). Какое совпадение, не правда ли?

В и к т о р. Что вы имеете в виду?

Б е з н о с и к о в. 12 июня. У Марочки – День рождения и у России – тоже День рождения. Вы видели, что на Васильевском спуске делается? Все фонтанирует!

В и к т о р. Москва бездельничает!

Б е з н о с и к о в. Позвольте не согласиться с вами, молодые люди. Москва трудится! Москва – в авангарде! Кстати, не обижайтесь. Как говорится, субъекты федерации – тоже при деле. В настоящее время на Тверской улице проходит «Парад регионов российских».

В и к т о р (*раздражаясь на Безносикова*). Какая такая Тверская? Мы не знаем такой. Мы улицу Горького признаем.

Б е з н о с и к о в (*оживляясь*). Похвально! Уважаю людей с гражданской позицией.

В и к т о р. А я уважаю людей, которые не зарятся на чужое. Вот это и есть подлинная гражданская позиция в моем понимании. Все конфликты происходят на базе передела собственности. На этой почве.

Б е з н о с и к о в. Интересное мировоззрение. А передел сфер влияния?

В и к т о р. Сферы влияния тоже своими корнями идут из собственнической философии. Весь этот мир материален. Поэтому на пороге XXI века мы столкнулись с кризисом идей. Идей нет...

Б е з н о с и к о в. И мир обречен?

В и к т о р. Мир нажрется – и околеет от несварения пищи. Вы ведь тоже на курочку пришли, если не ошибаюсь?

Б е з н о с и к о в. Значит, утонем в собственном дерьме? А как же высший разум? Высшие силы?

В и к т о р. Высшие силы больше не будут вмешиваться в нашу жизнь. Врочи, как наша Леночка, будут выступать в роли сантехников...

Б е з н о с и к о в. Она, простите, проктолог?

В и к т о р. Так точно. Но бессильны будут и проктологи, и кардиологи...

Б е з н о с и к о в. М-да...Страшная картина.

В и к т о р. *Апокалипсис!* *(Сознательно делает ударение на последней «и».)*

Б е з н о с и к о в *(поправляет)*. Апокалипсис! На первом слоге!

В и к т о р. На последнем! Апокалипсис! *(Снова делает ударение на последнем слоге.)* Хотя... Хотя, может, вы и правы. Может, и апокалипсис! Нет, апокалипсис! Точно! Конец от кала! Апокалопсис по-московски!

Б е з н о с и к о в. А страны третьего мира? Они спасутся?

В и к т о р. «Спасутся!» С какого, собственно говоря, хрена, они должны спастись!? Скажите мне, пожалуйста!

Б е з н о с и к о в. Это уже легче. Сознание, что мы – не одни такие мерзкие, должно значительно облегчить наши человеческие страдания!

В и к т о р. «Нечеловеческие!» Нечеловеческие страдания! А ты – говорун, отец!

Б е з н о с и к о в. Ты – тоже оракул! Трибун прямо, сынок!

Оба брезгливо морщатся.

Т а ш а. Вы давно с нашей Марочкой?

Б е з н о с и к о в. Как вам сказать? В наши годы все цели и сроки сливаются в одно целое. И уже не различить – где и что.

Т а ш а. Не так туманно, пожалуйста.

В и к т о р. Виталий Андреевич, давайте, дружок, без пурги!

Б е з н о с и к о в. Не понимаю, при чем пурга?

В и к т о р. При том, что мозги не надо пудрить! *(Снова делает ударение на первом слоге.)* Нам хватает вашей обожаемой Верочки!

Б е з н о с и к о в. Простите, в слове «мозги» ударение ставится на второй гласной.

В и к т о р. На первой. На «о». Для таких, как вы, именно на «о». Мозги! *(С нажимом делает ударение на «о».)*

Б е з н о с и к о в. Так красиво начали, а кончили так безобразно!

В и к т о р. Я еще не кончил.

Т а ш а. Когда он кончит, вы обязательно почувствуете!

Б е з н о с и к о в. Боюсь, не почувствую. Я в возрасте, все-таки. Не забудьте предупредить!

В и к т о р. Читайте, что предупредил! *(Сжимает кулаки.)*

Б е з н о с и к о в. Неужели бить будете? Можно узнать, за что?

В и к т о р. Обязательно узнаете! Как говорил у меня прапор Обалдуев: «В глаз без причины – признак дурачины». А мы – люди тут все културные.

Б е з н о с и к о в. Простите, какие люди?

В и к т о р. «Културные!» Есть мало културные, есть сильно културные...

Б е з н о с и к о в. Простите, все равно не очень...

Т а ш а. А что не очень? Вы не понимаете слово «культурные»?

Б е з н о с и к о в. Ах, культурные? Так бы и сразу сказали! А то...

В и к т о р. Ты что, издеваешься? Я сразу сказал – кулютурные!
Б е з н о с и к о в *(виновато)*. Ну, да... Да... Это я что-то не сразу...
Т а ш а. Кто вы? Откуда? Мы можем это узнать?
Б е з н о с и к о в. А почему нет? Если вам это интересно – ради Бога! Я
тоже – кулютурный, секретов от своих не имею...
В и к т о р. Тоже мне – свой среди чужих!
Б е з н о с и к о в. Докладываю: Безносиков. Виталий Андреевич. Родился в
Москве в 1939 году. Бывший инженер-строитель. Пенсионер, разумеется.
В и к т о р. Выходит, вам... *(Прикидывает что-то в уме.)*
Б е з н о с и к о в. Да, в сентябре. Заранее приглашаю. Будет банкет. Я хотел
дома, но Марочка настаивает на ресторане.
В и к т о р *(настороженно)*. В ресторане?
Б е з н о с и к о в. Да, в ресторане. В ресторанчике. В каком-нибудь скром-
немьком.
Т а ш а. Вы богаты?
Б е з н о с и к о в. Нет, конечно, но Марочка очень хочет. Ей не понравилось,
что в прошлом году свой юбилей она праздновала дома.
В и к т о р. Не понравилось?
Б е з н о с и к о в. А кому понравится: всю ночь жарить-паришь, потом гостей
угощаешь, сама бегаешь, присесть времени нет, – и чего, скажите, тут хорошего?
Такого сопротивления ни один материал не выдержит! Как она выдержала –
не знаю! Хотя, что это не знаю? Знаю! Марочка – удивительная женщина!
Т а ш а. Уж не влюблены ли вы в нее?
Б е з н о с и к о в. Не скрою, да. И весьма счастлив, что на старости лет я
встретился с этой замечательной женщиной. Это дар судьбы.
В и к т о р. А дома, наверное, своя старушенция на печи?
Б е з н о с и к о в. Ест калачи? *(Смеется.)* Нет, милые люди, я – вдовец. Уже
5 лет. Рано меня супруга покинула. Болезнь одолела. Ишемическая.
Т а ш а. Квартира хоть есть у вас?
Б е з н о с и к о в. Есть. Правда, нас в ней живет много: дочка с мужем и
двумя детьми, мама мужа... Сваха, то есть... Надеюсь, скоро съедут...
Т а ш а. Виктор, по-моему, все ясно. Претендент!
Б е з н о с и к о в. Что вы сказали?
В и к т о р. Отец, ты зачем сюда приперся?
Б е з н о с и к о в. На День рождения. Как и вы.
В и к т о р. Сравнил хрен с пальцем! Как и мы!
Т а ш а. Ты, может, еще и на Марочкину квартиру претендуешь?
Б е з н о с и к о в. Помилуйте, Дашенька!
Т а ш а. Таша! Наталья!
Б е з н о с и к о в. Помилуйте, Наташенька!..
В и к т о р. Нет, ты скажи прямо!
Б е з н о с и к о в. А что вам сказать? Я не знаю, что вам сказать.
В и к т о р. Прости, отец, но я тебя кастрирую! Чтобы тебе не повадно
было!
Т а ш а. На чужой каравай рот не разевай!
Б е з н о с и к о в *(обиженно)*. Мне с вами не о чем больше говорить! *(Уходит
в соседнюю комнату.)*
В и к т о р. Я его урою!
Т а ш а. Только без рукоприкладства! Иначе на мякине нас проведут. Видел,
какие все скользкие! И все в один клубок тянутся.

В и к т о р. Возможно, они сознательно нас провоцируют на противоположные действия. Я нюхом чувствую – что-то тут созревает...

Т а ш а. Что?

В и к т о р. Откуда я знаю! Но чувствую – вот тут... (*Гладит сердце*). Что-то не то сегодня...

Входит Е л е н а. В руке у нее флакончик.

Е л е н а. Видели? Обалдеть, какой краской красится Марочка! «Велла»! Ни в чем себе не отказывает! А ты, мама, ходи с зеленой прядью!

Т а ш а. Почему с зеленой?

Е л е н а. Потому что краска у тебя такая! Дешевая! И голова у тебя – зеленая

Г о л о с М а р о ч к и (*скорее, из ванной*). «Я танцевать хочу! Я танцевать хочу...».

Е л е н а (*на пение*). А кто вам сказал, что она собралась умирать? Вы поняли теперь? Она и не собирается умирать!

Т а ш а (*решительно*). Все. Надо срочно забрать у нее документы на квартиру!

Е л е н а. Я еще в Новый год заметила: она Малахова читает!

В и к т о р. И что с этого?

Е л е н а. А ничего! Она очищением организма занимается! У нее шлаков, возможно, меньше теперь, нежели у младенца!

Г о л о с М а р о ч к и (*продолжает*). «...до самого утра!»

Т а ш а (*ехидно*). А ты говоришь – апокалопсис! Это не для твоей мамочки!

В и к т о р. Ну – Малахова! Ну и что! При чем Малахов? У нас тоже начальник ГИБДД Малахова читал – и что? Скромная плита – «Здесь покоится...»

Молчание.

Причина не в этом. Здесь что-то созревает. А что? Почему? Я не могу пока сформулировать свои внутренние переживания.

Т а ш а. Дурак ты, Кособрюхов! Дурак – и не лечишься!

Шестая картина

Марочка и Верочка вдвоем.

М а р о ч к а. Надо сказать Аркаше! Слышишь, Верочка? Чтобы он вмешался!

Верочка бежит к двери, дергает ее.

В е р о ч к а. Заперто. Павлик стоит в дверях.

М а р о ч к а. Тогда вот что – надо позвонить! В милицию!

Верочка бежит к телефону.

В е р о ч к а. Не работает.

П а в л и к (*просовывает голову в дверь*). И не будет работать! По-доброму отдайте документы!

М а р о ч к а. Не дождетесь!

П а в л и к. Дождется! (*Снова захлопывает дверь*.)

М а р о ч к а. Бедный Безносиков! Поди, в штаны наложил.

В е р о ч к а. Нет, он держался молодцом. Достоинно.

М а р о ч к а. Где он теперь?

В е р о ч к а. На кухне сидит.

М а р о ч к а. Хоть бы в туалет пускали. У него почки слабые.

В е р о ч к а. Я сказала про почки. Леночка пообещала проследить. Говорит, распуститься не дам! Его почкам.

М а р о ч к а. Это у них такие шутки. Сейчас они весь дом вверх дном перевернут. Весь твой ремонт пойдет насмарку. Господи, зачем ты наслал мне таких родственников?

В е р о ч к а. Что им нужно, бабуля?

М а р о ч к а. Разве не видишь? Квартиру хотят переписать.

В е р о ч к а. Хорошенький день рожденьица! Именно сегодня приспичило!

Марочка идет к двери, стучится.

М а р о ч к а. Откройте! Умру, как заложница! И вам это дорого встанет!

Г о л о с П а в л и к а. Бабуля, тебе письмо.

М а р о ч к а. Сами читайте. У меня теперь от вас, тульских, никаких секретов нет. Можете и постель мою распотрошить! Откройте!

В е р о ч к а. Очень дельный совет! Они так и сделают!

М а р о ч к а. Пусть потрошат! Кроме старых облигаций, там нет ничего!

В е р о ч к а. Под дверь засунули.

М а р о ч к а. Что?

В е р о ч к а. Листочек. *(Поднимает с пола лист бумаги.)* Письмо.

М а р о ч к а. Читай. От кого?

В е р о ч к а *(читает)*. «Дорогая Марочка!»

М а р о ч к а. Безносиков!

В е р о ч к а *(продолжает)*. «Отдай все, что они просят!»

М а р о ч к а *(прерывает)*. Эх, Безносиков! Сломался! Не вынес!

В е р о ч к а *(продолжает читать)*. «Будем жить у меня!».

М а р о ч к а. Сейчас! Разбежалась! А им оставлю квартиру на Фрунзенской! Верочка, они не знают. И ты не знаешь! Этот дом еще мой дед закладывал!

В е р о ч к а. А не путаешь, Марочка? Дом сталинский! А дед мог заложить примерно в конце XIX века.

М а р о ч к а. Не знаю, но папа так говорил. И еще бабушка вот этот мост проектировала.

В е р о ч к а. Который в окно виден?

М а р о ч к а. Да. Разумеется, не один... Авторским коллективом...

В е р о ч к а. Марочка, ты, выходит, из знатного рода?

М а р о ч к а. Уж и не знаю, как это воспринимать? Знатный, не знатный... *(Плаксиво.)* Видишь, финал-то один! Вон, последний час природы!.. *(На письмо.)*

Что он там еще накарябал – Безносиков-то?

В е р о ч к а *(читает)*. «Предлагаю тебе свои руку и сердце».

Марочка всхлипывает громче.

Ты чего, бабуля?

М а р о ч к а. Так. Ничего... Обидно...

В е р о ч к а. А по-моему – очень даже хорошо. Ничего обидного.

М а р о ч к а. Думаешь, он меня пожалел? Он свои почки пожалел! Лишь бы отстали – Безносиков и не такое напишет!

В е р о ч к а. Позволь с тобой, Марочка, не согласиться. Безносиков не из той породы.

М а р о ч к а. А из какой он породы?

В е р о ч к а. Мне думается, из благородной.

М а р о ч к а *(плачет)*. Да уж, породистый кобель! Ничего не скажешь! *(Идет к двери, стучится.)* Пустите нас, слышите! Сейчас же пустите!

В и к т о р (*приоткрывает дверь*). Сидите, мама, и не... И не волнуйтесь!
М а р о ч к а. Мне надо выйти, Витя. По маленькой.
В и к т о р. Иди. Но сначала отдай документы на квартиру.
М а р о ч к а. Чего захотели! Шиш вам!
П а в л и к. Бабуля, по-доброму отдай! Иначе все равно сюда переедем! Все вместе! А тебя в дом престарелых сдадим.
М а р о ч к а. Меня там не ждут.
Т а ш а. Похлопочем, будут ждать.
М а р о ч к а. Меня оттуда на второй же день выпрут. За аморалку.
В и к т о р. Не выпрут. Мы заплатим.
П а в л и к. Рассчитаемся! Я хорошо буду зарабатывать! Здесь социологи востребованы! Не то что в Туле!
М а р о ч к а. Позовите Сикорскую!
В и к т о р. Никого не позовем. Ни Сикорскую, ни Аркашу. Нечего, мама, людей смешить! Не доводи, чтобы мы газ на кухне открыли!
М а р о ч к а (*испуганно*). Газ? Какой газ? Зачем, Витя?
П а в л и к (*в цель*). Газ, бабуля, теперь самое эффективное оружие!

Временное затишье. Марочка идет к дивану.

М а р о ч к а (*Верочке*). Накаркала наша Сикорская, Верочка! С последним часом природы! «Когда пробьет»? Вот, бьет уже...
В е р о ч к а. Ничего, пронесет, бубуля! Вчера ты хуже была!
М а р о ч к а. Нет, я чувствую, нынче пробьет... Уже бьет.

Марочка валится на бок. Верочка бежит к ней.

В е р о ч к а (*кричит*). Виктор! Сюда! Ей плохо!

В комнату вбегают Виктор, Таша, Павлик и Елена.

В и к т о р. Мама! Мама! Она умерла? Мама ты умерла?
П а в л и к. Она меняется в лице!
В е р о ч к а. Ей плохо! Надо на диван положить! Виктор! Чего же ты стоишь? Марочка! Ты меня слышишь?

Молчание.

Т а ш а. Слышит. Видишь, кивнула?
В е р о ч к а. Где кивнула? Марочка! Ты слышишь? Ты кивнула? Пойдем на диванчик! Пойдем, солнышко... Я сейчас!
Т а ш а. Она притворяется.
В е р о ч к а. Тебе бы, Наталья Евгеньевна, так притвориться! С концами!
Т а ш а. Еще накаркай, проститутка тульская! Не дожدهшься!
В и к т о р. Замолчи, Наталья!
Т а ш а. Если я замолчу, тебя вообще больше никто в этой жизни не услышит, Кособрюхов!
В и к т о р. Мамуля, где документы? Верочка, спроси, где документы? Мамочка! Мамуля!
П а в л и к. Бабуля!
Е л е н а. Пульс не прощупывается!
Т а ш а. Марочка! Где документы? Слышишь? Отдай документы! Отдай немедленно!
В и к т о р. Мамочка, шевельни пальчиком! Скажи, что слышишь нас!
В е р о ч к а (*плачет*). Идите вы со своими документами знаете куда!
П а в л и к. Она не дышит. (*Елене*.) Доктор, она, часом, не померла?

Е л е н а. А я знаю!

В е р о ч к а. Я побегу за «Скорой»!

П а в л и к. Не суетись, Верочка! Ты что, самая умная тут?

В е р о ч к а. А вы эксперимент над ней проводите? У нее давление! Вчера «Скорая» три часа колдовала над ней! Она вчера уже умирала!

Т а ш а. Леночка – врач не хуже!

П а в л и к. В принципе, не должна умереть! Все исследования и статистика говорят за то, что у нас умирают, в основном, мужики 50–55 лет.

Т а ш а. Как наш папа.

П а в л и к. А это поколение, Марочкино, – неистребимо!

В и к т о р. А при чем ваш папа?

Т а ш а. Я сказала так, к слову.

В и к т о р. Мне показалось, не к слову. Вы рекомендуете мне умереть?

Т а ш а. Павлик говорит только о тенденциях.

В и к т о р. Ну, может, чтобы не портить общую картину...А? Что скажете, народ?

Т а ш а. Правду говорила покойная: занудливый ты, Кособрухов!

В е р о ч к а. Вы что, какая «покойная»? Виктор! Это же твоя родная мать!

Т а ш а. Матерью в нашем понимании слова она никогда не была! Она больше для тебя сделала, чем для нас.

В и к т о р (*неожиданно*). Не тебе судить, какая она была мать! Поняла? Не тебе! (*Павлику*.) И не тебе – тоже! «Ученый»!

Т а ш а. Как напыщенно! Брось-а ты! Радоваться надо, что дожили до светлого дня!

В и к т о р. До какого светлого дня?

Т а ш а. Не делай вид, что ничего не понимаешь!

В е р о ч к а. Да что же ты стоишь, как истукан, Виктор? На диван хоть подними. Человек же! Не бревно!

Виктор берет Марочку на руки, несет к дивану, кладет ее на него.

Е л е н а. Дела совсем плохи, папа. Я побегу за «Скорой»!

П а в л и к. А ты не доктор? Давай, сделай что-нибудь с ней. Слышишь, Елена?

Е л е н а. Я бессильна.

В е р о ч к а. Врач в любом случае вам понадобится. И участковый милиционер.

П а в л и к. Ты откуда знаешь?

В е р о ч к а. Знаю. Наблюдаю за жизнью. (*Виктору*.) И все может кончиться уголовным делом, Виктор.

Т а ш а. Для кого? Мы-то при чем? Умерла старая больная женщина!

Е л е н а. Мама, я клятву давала...Надо вызывать реамобиль!

Т а ш а. Тебя просят?

Е л е н а. Ты не понимаешь! Я обязана! Я же врач!

Елена убегает. Следом за ней бежит Таша.

Т а ш а (*вдогонку*). Да врач ты, врач! Дай только научу, что сказать!

В и к т о р (*Павлику*). И ты уходи. Не было тебя рядом. Нечего биографию портить!

Павлик тоже убегает.

В е р о ч к а. Отпустите Безносикова! Слышишь, Виктор? Не бери грех на душу!

В и к т о р. Он вопить начнет. Не хочу больше криков! Ничего больше не хочу!

В е р о ч к а. Не будет. Скажете, чтобы ушел – и уйдет тихо.

В и к т о р. Иди, сама скажи ему.

В и к т о р. Она сама виновата! Сама довела себя и всех до этого! Если бы ты знала! Как она нас истязала! Меня прижила по сумасшедшей любви тогда в Туле! И что? Все перечеркнула! Отца на помойку выбросила! А он был кристальной чистоты партиец! А она? Фьюить – и в Москву! И ни любви ей не надо стало, ни сына!..

В е р о ч к а. Будет тебе плакаться! Ты уже вполне взрослый был!

В и к т о р. У мамочки в Москве новая любовь открылась, видите ли!

В е р о ч к а. Угомонись, Виктор! Не было у нее в Москве новой любви.

В и к т о р. Была!

В е р о ч к а. Никогда не было!

В и к т о р. А ради чего же она нас там бросила?

В е р о ч к а. Не знаю.

Пауза.

Просто она – одинокий человек.

В и к т о р *(всхлипывает)*. Одинокий! Она была одинокой, а мы – нет!

В е р о ч к а *(про себя)*. «Последний час природы...» И ничего уже не нужно... Только алчная родня вокруг никак не уgomонится...

В и к т о р *(горько)*. Скажи, алчный и бездушный сын!

В е р о ч к а. Скажи сам.

В и к т о р. Прости, мама. Прости, если сможешь. Если слышишь, прости... Я пойду... Выпущу твоего Безносикова... Я пойду, Вера.

В е р о ч к а. Конечно. Скажите, что вас вообще в этой квартире не было. И вообще – все свалите на Веру Михайловну Харитонову!

Седьмая картина

Марочка и Верочка вдвоем.

Стоят у раскрытого окна, смотрят вниз.

В е р о ч к а *(глядя вниз)*. Что, бубуля, сигать будем? Теперь, после того, как ты воскресла, мы можем умирать бесконечно.

М а р о ч к а. А что, по-твоему, остается делать! Они нас отсюда не выпустят живыми. Скажи «бубуля».

В е р о ч к а. Не держи на меня зла, бубуля.

М а р о ч к а. Не держу. Отпустило. Сначала обидно было. *(Заглядывает вниз.)* Ты думаешь, таким образом спасемся? Расшибемся же!

В е р о ч к а. Не расшибемся!

М а р о ч к а. Я знаю. С третьего этажа – ничего не будет. Правда, говорят, у стариков кости долго не срастаются.

В е р о ч к а. Ну, это у стариков! К тебе разве это имеет какое-то отношение?

М а р о ч к а. Ну, так... Отдаленное...

Марочка хохочет.

В е р о ч к а. Марочка, ржи потише! А то сейчас прибегут, за хвост схватят. Им трудно поверить, что твое остывшее тело снова стало для них преградой на пути к квартире.

Марочка. Неужели я умирала?

Верочка. Хуже, чем вчера была.

Марочка. И я даже попрощаться не успела? Ни с кем? Даже с тобой?

Верочка. Ни с кем, Марочка.

Марочка. Ну, вот, значит, вернулась, чтобы попрощаться.

Верочка. Вернулась, чтобы пожить еще.

Марочка. Нет, попрощаться. И не спорь со мной. Аркашу ты успела предупредить? Он нас повезет?

Верочка. Успела. Сначала он равнодушно пожал плечами – думал, опять к Розе на «Динамо» поедем.

Марочка. А потом?

Верочка. А как узнал, что в Ясную Поляну, к Толстому – резко оживился.

Марочка. Многие хотят сбежать в Ясную Поляну, Верочка. Это уж точно.

Верочка. Признайся, Кособрюхова хочешь навестить?

Молчание.

Ну и не говори, не надо. Я Виктору ничего не сказала. Пусть думает, какой несчастный его папаша! И что вовсе не он прогнал Марочку от себя прочь. И что Марочка всю жизнь то и делала, что крутила романы налево и направо.

Марочка. Все равно когда-нибудь скажи.

Верочка. Скажу.

Марочка (*на букет*). Развратные розы!

Верочка. Заметила, с каким прищуром они на нас смотрят?

Марочка. Странно, но я всю жизнь любила пионы! Просто обожала их!

И не знаю, почему мне всегда нужны были розы?

Верочка (*удивленно*). Ты любишь пионы?

Марочка. Умираю, как люблю!

Верочка достает из шкафа вазу с белыми пионами.

Верочка. Такие?

Марочка. Белые! Любимые! Откуда они у тебя?

Верочка. Просто я их тоже обожаю. А чтобы не конкурировали с твоими розами, припрятала в шкафу. Тем более, ты стала остро реагировать на запахи.

Марочка. Будет тебе! Ты знаешь, почему я их люблю?

Верочка. Потому что в пионах нет того презрения к людям, которое есть в розах.

Молчание.

Марочка. Слушай, Верочка, а что там у тебя в финале получилось? Он женился на ней или нет?

Верочка. Нет, не женился. Она не захотела. (*Читает по памяти.*) «Она выбрала одиночество. Она погасила пламя страсти в своем сердце, решив, что скромный огонек, который исходит от тихой свечки, дает ей больше света. Глаза ее светились счастьем и спокойствием, потому что мертвая страсть стала хорошей почвой для того, чтобы на ней проросли зерна настоящей, вечной любви.»

Марочка. «Которая не мучает и не убивает.»

Верочка. «Которая даже в одиночку, если захочет, может сделать мир более щедрым и добрым.»

Марочка хлопает носом, потом поправляет свою прическу, обнимается с Верочкой, вместе идут к окну.

М а р о ч к а. Посмотри-ка вниз – не Безносиков ли там рукой машет?

В е р о ч к а. Он! (*Машет вниз рукой.*) Марочка, у нас есть помощники!

М а р о ч к а (*ворчливо*). Хорошее утешение – разбиться на глазах у бесчувственного Безносикова!

В е р о ч к а. Мне кажется, ты наговариваешь на него. Не такой уж он и бесчувственный, как ты преподносишь!

М а р о ч к а. Скажи еще – огонь! Конь-огонь!

В е р о ч к а. Не знаю, как насчет коня-огня, но глазом водит вполне живо!

М а р о ч к а. Все ты успела разглядеть! Не видно же отсюда!

В е р о ч к а. Было время до этого, Марочка! Успела разглядеть.

М а р о ч к а. Айда, Верочка! С Богом! (*Вспомнив.*) Надо записку им написать.

В е р о ч к а. Зачем? Чтоб не переживали? Обойдутся! Переживания сделают их более тонкими.

М а р о ч к а. Нет, надо. Мы же с тобой – интеллигентные девушки.

В е р о ч к а. Дело твое, бубуля!

Марочка что-то пишет на листе бумаги, сама улыбается.

Быстрее, Марочка! Если не успеем, живыми отсюда мы с тобой обе уже точно не выйдем! Вынесут только вперед ногами!

Марочка и Верочка лезут в окно, скрываются из вида.

Вбегают родственники, бросаются к дивану.

Т а ш а (*удивленно*). А где покойница? Христос воскрес что ли у нас сегодня?

П а в л и к. Вообще-то нынче ближе к Троице, чем к Пасхе.

В и к т о р (*облегченно*). Вот дела! Слава тебе, Господи! Нет на мне греха ма-тиубийства! (*Оглядывается по сторонам.*) Только где она? (*Зовет.*) Мама! Мамуля! Марочка!

П а в л и к (*на открытое окно*). Окно! Открыто!

Все бросаются к окну.

Т а ш а (*в голос*). Выбросилась в окно!

Е л е н а. А эта где? Харитонова? (*Зовет.*) Харитонова!

Т а ш а. Тоже выбросилась.

Е л е н а. Вот твари! Вот почему не люблю москвичей! Вечно – ни себе, ни людям! (*Плачет.*) Это я опять должна за две тысячи рублей в Туле любоваться на задние проходы! Прощай, московская клиника!

Т а ш а. Да не блажи еще! Мы – наследники! Мы! Будет тебе клиника!

Виктор подходит к окну, смотрит вниз.

В и к т о р (*после паузы*). Айдайте домой, люди!

Т а ш а. Как домой? Куда домой?

В и к т о р. В Тулу.

Т а ш а. А квартира? А документы? Надо восстановить и вступать в права! Ты слышишь, Виктор?!

В и к т о р. Они сбежали от нас. В люльке.

Т а ш а. В какой еще такой люльке? Ты о чем говоришь? Виктор! Сам ты – «люлька»!

В и к т о р. В строительной.

П а в л и к (*смотрит вниз*). Точно, в люльке сбежали! Мама, они сбежали в люльке!

Т а ш а. Так догоняйте! Чего же стоите! Вы мужики или нет!

В и к т о р. Она сейчас дарственную сделает. Верочке.

Т а ш а. Какая дарственная! Сегодня у всех нотариусов выходной! Бегите, говорю!

В и к т о р. Для Марочки у нотариусов нет выходных. Айдайте обратно! Ничего у нас уже не будет. Надо знать Марочку.

Е л е н а (*хнычет*). Прощай, дом на Фрунзенской!

П а в л и к. А кто такой смертельный диагноз поставил?

Е л е н а. Я не кардиолог, знаете ли!

П а в л и к. А кто ты у нас вообще?

Е л е н а. Я проктолог.

П а в л и к. А какая больно разница?

Е л е н а. Вообще-то есть.

В и к т о р. А по мне – ничего и нет.

П а в л и к. Леночка перепутала сердце с задницей.

Павлик находит записку, смеется.

В и к т о р. Ты чего ржешь, ученый?

П а в л и к. Записку оставила. (*Читает про себя, снова смеется.*)

Т а ш а. Давай, вслух читай!

Е л е н а. Никакого воспитания! Что за человек!

П а в л и к (*читает вслух*). «Не забудьте в туалете смыть за собой дерьмо! Вечно ваша – Марочка.» (*Смеется.*) Как вам?

Т а ш а (*ворчливо*). «Не забудьте смыть!» Ведьма старая! Подстилка минфиновская!

П а в л и к. Дело не в туалете.

Т а ш а. А в чем еще?

П а в л и к. А в том, что она – «вечно ваша»!

В и к т о р (*не читая*). Вечно ваша...

Напряженная тишина.

Входит Валентина Матвеевна.

В а л е н т и н а М а т в е е в н а. Вы как, наследнички, остаетесь или уезжаете к себе? Будете уходить, дверь захлопните! А то ходят тут разные! (*Уходит.*)

Конец

Дом с большими чувствами

(рецензии, отзывы, интервью)

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

«Дом на Фрунзенской» переедет в Театр на Покровке

*Сергей Арцибашев в Театре на Покровке ставит пьесу Александра Пудина
«Дом на Фрунзенской»*

Круговорот режиссеров и драматургов в театральной природе совершен: именно Арцибашев однажды приехал в Саранск и стал репетировать в Мордовском драматическом русском театре первую пьесу никому тогда не известного местного драматурга «В пустом доме люди».

С тех пор прошло двадцать лет. Автор Александр Пудин из молодого, начинающего и подающего надежды превратился в лауреата множества конкурсов драматургов, который написал сорок пьес, и к тому же стал советником первого заместителя мэра Москвы в столичном правительстве. А на днях – чем он гордится особенно – выпустил свое первое трехтомное полное собрание сочинений.

Российская газета. Александр, с Сергеем Арцибашевым – вашим первым режиссером, теперь – художественным руководителем Театра им. Маяковского и Театра на Покровке – вас сначала связывала пьеса «В пустом доме люди», потом – «Дом на Фрунзенской». Слово «дом», кажется, ключевое в ваших постановочных взаимоотношениях?

Александр Пудин. Тогда была мордовская история, теперь – московская. Но никто, конечно, специально не придумывал сюжет, чтобы так вот от дома к дому, через двадцать лет, сделать круг и вернуться...

РГ. О чем ваша новая пьеса?

А.П. Это банальная история дедежа квартиры в солидном доме – в доме на Фрунзенской. Дети партбоссов, их наследники, грызутся из-за жилплощади. Это фабула, но пьеса – про характеры и проявление определенных черт человека в той или иной ситуации. Что может себе позволить родной сын, на что пойдет родная мать... Если брать шире: что есть ценное, а что – суетное. Пьеса совершенно свежая. Про наш сегодняшний день, с массой узнаваемых реалий нашей московской жизни.

РГ. Что надо сделать со словами, чтобы реальность наших дней превратить в высокое искусство? Чтобы это были все-таки слова пьесы, а не газетной хроники?

А.П. Я думаю, надо проявить большее уважение и любовь к тем людям, о которых пишешь. Ты не можешь допустить, чтобы они говорили грязными словами. Надо всегда с пониманием относиться к своим героям. У меня ни в одной пьесе нет отъявленного негодяя или кристально чистого, идеального, пушистого и белого персонажа. Литературные герои – те же люди, желающие любить и ошибаться. И понимающие, что есть история, есть традиции, и, может быть, на уровне какого-то нерва осталось то, что держит и связывает человека с его предками и с его религией. К тому, что нас всех и держит здесь...

РГ. А как вы, как драматург, поступаете с черными мыслями своих персонажей?

А.П. У меня у самого черных мыслей не бывает, поэтому и у моих героев они отсутствуют. Я могу брюзжать, могу грустить, но по большому счету я впол-

не веселого нрава человек. И мои герои в основном тоже люди, утверждающие, что, если сегодня пошла полоса черная, то завтра обязательно будет светлая. И что черную полосу надо обязательно переступить, перешагнуть, а не топтаться на месте...

Ирина Корнеева, «Российская газета»

В МОСКВЕ ИГРАЮТ СПЕКТАКЛЬ АЛЕКСАНДРА ПУДИНА

9-10 октября на сцене московского «Театра на Покровке» будет показан премьерный спектакль «Дом на Фрунзенской» по одноименной пьесе мордовского драматурга Александра Пудина, который, что особо приятно, самым непосредственным образом связан с нашей газетой, поскольку в начале 2000-х был главным редактором «ИМ».

В то же время авторитетные театральные критики Олег Пивоваров и Григорий Заславский считают его «продолжателем лучших традиций таких классиков отечественного театра, как Розов, Зорин, Рошин, Арбузов» и особо отмечают: «Пудин – замечательный драматический писатель, который психологически тонко пишет об обычных людях и нашей жизни».

Действие премьерного «Дома...» разворачивается в реально существующей, знаменитой столичной многоэтажке на Фрунзенской, 50. Непростые перипетии возникают в связи с дележом элитного жилья.

Осуществил постановку художественный руководитель театра, народный артист России Сергей Арцибашев, который, впрочем, уже не впервые сотрудничает с А. Пудиным (лет 30 назад на саранской сцене шла его драма «В пустом доме люди» в режиссуре Арцибашева). И теперь, говорит режиссер-постановщик, когда возникла необходимость освежить столичный репертуар современной пьесой, подходящий материал «оказался» рядом. Просто надо было открыть 3-х томник пьес Александра Пудина (к слову, тоже изданный в Саранске к 50-летию автора – *ред.*). Поясняя, чем его привлек именно этот Пудинский «Дом...», Арцибашев признался: «Мне кажется, в пьесе есть все, что нужно – и для актеров, и для зрителей... История героев выглядит вполне соответствующей действительности».

В спектакле заняты заслуженные артисты РФ Г. Чулков, В. Ненашев, актеры Т. Швыдкова, Н. Красильникова, Н. Фишук, А. Евсюков, Д. Зверева-Балюк, Г. Стукалова.

*Мила Мельникова,
газета «Известия Мордовии»*

ТЕАТР

«Театр на Покровке» покажет пьесу мордовского драматурга

Сегодня на сцене московского «Театра на Покровке» будет показан премьерный спектакль «Дом на Фрунзенской» по одноименной пьесе мордовского драматурга Александра Пудина. Авторитетные театральные критики считают его «продолжателем лучших традиций таких классиков отечественного театра, как Розов, Зорин, Рошин и Арбузов». Действие спектакля разворачивается в реально существующей столичной многоэтажке на Фрунзенской, 50. Непростые перипетии возникают в связи с дележом элитного жилья. Эту постановку осуществил

художественный руководитель театра, народный артист России Сергей Арцибашев, который ранее уже сотрудничал с Пудиным. По словам Арцибашева, в пьесе есть все, что нужно – и для актеров, и для зрителей. История героев выглядит вполне соответствующей действительности.

«МС Радио»

ПРЕМЬЕРА

Элитный дом на Фрунзенской набережной теперь станет по карману рядовым москвичам. Как стало известно, 9 октября в «Театре на Покровке» состоится премьера спектакля «Дом на Фрунзенской» по одноименной пьесе Александра Пудина

ЭЛИТНЫЙ ДОМ ПЕРЕМЕЩАЕТСЯ НА СЦЕНУ

Драматург заявляет, что «Дом на Фрунзенской» – не абстрактный адрес в престижном районе. Жильцам дома под номером 50, где жили и живут весьма известные фамилии, жизнь моих героев, их история может показаться вполне реальной, соответствующей действительности.

В спектакле заняты заслуженные артисты России: Геннадий Чулков и Валерий Ненашев, артисты Татьяна Швыдкова, Нина Красильникова, Наталья Фишук, Александр Евсюков, Диана Зверева-Балюк, Галина Стукалова.

Режиссер-постановщик спектакля народный артист России, лауреат Государственных премий России Сергей Арцибашев признается: «Мы искали современную пьесу, а оказалось, что она лежала рядом. Просто надо было открыть трехтомник пьес этого автора и прочитать ее. Мне кажется, в пьесе есть все, что нужно – и для актера, и для зрителя».

Как сказал главный редактор журнала «Театральная жизнь», заслуженный деятель искусств России Олег Пивоваров: «Новая работа заслуживает самого пристального внимания».

«Пудин, к сожалению, широкому зрителю не так известен, как мастер сцены Арцибашев, который, кроме «Покровки», уверенно возглавляет еще и Академический театр им. Маяковского. Но Пудин – замечательный драматический писатель, который успешно продолжает традиции Розова и Зорина, а это тот самый русский психологический театр, который мы все по-прежнему очень любим», – говорит О. Пивоваров.

Что касается доступности «Дома», то, по словам директора «Театра на Покровке» Ольги Пепеляевой, «цены на билеты варьируются от 100 до 750 рублей».

Отметим, что Сергею Арцибашеву помогали художник Ольга Малягина и режиссер Оксана Фомичева.

*Сергей Иванов,
газета «Москвичка»*

КАК АНЕКДОТ

«Театр на Покровке» и его художественный руководитель и главный режиссер Сергей Арцибашев представляют пьесу А. Пудина «Дом на Фрунзенской». В престижном доме живет старушка по имени Марочка (Татьяна Швыдкова). Ее многочисленная родня спит и видит, как бы получить поскорей дарственную на

роскошные хоромы. Но у Марочки есть собственные планы на жизнь, включая роман с симпатичным соседом (Геннадий Чулков). Но есть еще приживалка, милая провинциалка Верочка (Наталья Фищук), которая тоже не прочь войти в число претендентов на жилплощадь Марочки. Этот сюжет рассказан Сергеем Арцибашевым как злободневный анекдот, своеобразный документ нашего очень непростого времени, где прагматизм и нетерпение правят бал!

газета «Московская правда»

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС ИСПОРТИЛ ИХ

Пьесу Александра Пудина «Дом на Фрунзенской» москвичи теперь могут не только прочитать, но и увидеть на сцене «Театра на Покровке», где прошла премьера спектакля

По словам Александра Пудина, это первая его пьеса, которую играют в Москве. «Дом на Фрунзенской» теперь может позволить себе любой желающий. Три миллиона долларов за квартиру выкладывать не понадобится. Достаточно входного билета. По словам автора, «Дом на Фрунзенской» – это здание с точным адресом.

Александр Пудин, драматург, автор пьесы «Дом на Фрунзенской»: «Я имел в виду дом № 50 на Фрунзенской набережной. Элитный дом, красивый. Поэтому, вполне возможно, что люди из этого дома, соседнего придут и могут узнать частично что-то свое».

Узнать что-то свое смогут многие. В центре пьесы – жилищный вопрос. На трехкомнатную квартиру в Москве претендует сразу несколько человек. В том числе близкие родственники из Тулы – близкие по родству, но далекие от искренних чувств. Несмотря на это, актриса Татьяна Швыдкова замечает, что для нее это пьеса о любви.

Татьяна Швыдкова, актриса, в спектакле – Марочка: «Спектакль о любви, о тяге к этой любви, о желании найти близкого и родного человека, который бы тебя просто и искренне любил, ухаживал бы, жалел, хотел бы быть рядом с тобой, помочь тебе».

Гости же лицемерят, притворяются перед хозяйкой Марочкой и ссорятся друг с другом. Что в этой ситуации хорошо, а что плохо – право оценивать предоставили зрителю. У автора пьесы, ее режиссера-постановщика Сергея Арцибашева и самих актеров двойственные чувства к героям пьесы.

Александр Пудин, драматург, автор пьесы «Дом на Фрунзенской»: «Человек просто шалает, когда почти под ногами вот лежат 3 миллиона долларов».

Сергей Арцибашев, художественный руководитель «Театра на Покровке», режиссер-постановщик спектакля: «Я сочувствую их жизни, которую они проживают несвободно. И не они, может быть, в этом виноваты. Я их не виню».

Сергей Арцибашев замечает: несвобода и страх – это главное, что объединяет все поколения, не только на сцене, но и в реальной жизни. С одной стороны – страх сделать неправильный выбор и ошибиться в передаче наследства, с другой – страх перед неопределенностью и нестабильностью. Эмоции, испытываемые людьми всю жизнь, в спектакле переживаются за два часа. Достанется ли жилплощадь в элитном доме родственникам героини и кто победит в борьбе за наследство? Ответ на этот квартирный вопрос уже получили первые зрители. Наблюдать за страстями в «Доме на Фрунзенской» теперь можно ежемесячно.

«ТВ-Столица»

ДОМ НА ФРУНЗЕНСКОЙ

Премьера на Покровке

Премьера пьесы драматурга Александра Пудина «Дом на Фрунзенской» в Театре на Покровке оказалась удивительно ко времени.

Что и говорить, квартирный вопрос так и остается одним из самых ключевых в жизни многих горожан, а уж москвичей в особенности.

Александр Пудин из тех современных авторов, кого не увлекают новомодные изыски. Для него главное – исследование человеческого характера. И, по мнению автора, нигде так полно не раскрывается человек, как в семье.

История, рассказанная драматургом Пудиным, увы, могла произойти с каждым из нас. В шикарную квартиру в московском сталинском доме на Фрунзенской набережной, которую занимает немолодая и не очень здоровая женщина, приезжает из Тулы ее сын с семьей. Как выясняется, задача приезжих не только и не столько поздравить мать-свекровь-бабушку с юбилеем, но и добиться документов на воделенную квартиру. Мол, зажилась старушка в привилегированном гнездышке.

А тут еще дальняя родственница мешается, которая у старушки поселилась и якобы ухаживает за ней. А старушка помирать не собирается и квартиру не отдаст, а напротив, наряжается, родственников всячески эпатирует и возлюбленного на юбилей пригласила. А дальше начинается нечто невообразимое. Родственнички теряют человеческий облик. И тут тебе и захват заложников, и силовые методы воздействия, и мнимая смерть хозяйки, и много еще чего.

Пудин пишет пьесы почти двадцать лет, недавно, к юбилею, был издан трехтомник его пьес. Они разные и по темам, и по жанрам, и по героям, но роднит их одно. Для Пудина незыблемой ценностью остается Дом. Именно так, с большой буквы. И пишет он о самом горьком – о распаде семьи, о разрушающихся родственных связях.

Когда-то Сергей Арцибашев поставил первую пьесу А. Пудина – «В пустом доме люди». Сегодня состоялась премьера одной из последних пьес драматурга на столичной сцене. И ее поставил тот же Арцибашев.

Он умеет обнаруживать в тексте скрытые смыслы, выстраивать тонкую вяз психологической партитуры. В спектакле «Дом на Фрунзенской» психологическую драму Арцибашев дерзко соединяет с фарсом и получается невероятной смешная, узнаваемая и, увы, слишком правдоподобная история о семье, где подтачиваются внутренние связи, веками считавшиеся незыблемыми. Режиссер беспощаден в разоблачении семейки, где человеческие чувства заменены понятием удобства и выгоды.

Это спектакль ярких актерских работ, чем всегда славился Театр на Покровке.

Удачей спектакля стала Марочка в исполнении Татьяны Швыдковой. Крупная, яркая, она играет героиню значительно старше себя, немного утрируя ее физическую немощь и одновременно сохраняя чувственность, присущую ее героине, и живой задр. Образ получился и полнокровным, сочным и одновременно правдивым и человечным, теплым.

Режиссеру, как всегда, удается добиться ансамбля.

Семья сына героини, Марочки, показана сатирическими красками, и тут

требовалась особая тонкость, чтобы не впасть в карикатуру, подчеркнуть социальную основу образов, их типичность. С блеском это удастся Нине Красильниковой и Виктору Ненашеву (премьеру он играл в свой день рождения, сделав себе несомненно замечательный подарок). Пока еще несколько условно обозначенными остаются их дети – Павлик и Елена, но очевидно, что молодые актеры «наберут».

А вот характер Верочки, родственницы Марочки все из той же Тулы, показан актрисой Натальей Фишук убедительно. Эта Верочка резкая, несентиментальная, но умеющая искренне сострадать, обладающая понятием чести и совести, сродни тем гордым девушкам, которых так любило советское искусство 50–70 годов прошлого века и которых практически не встретишь сегодня. Н. Фишук удается быть и женственной, и жесткой, и очень современной.

Как всегда, блеснуло старшее поколение актеров Покровки. Забавна в небольшой роли Сикорской Г. Стукалова, с мягкой иронией показывает Г. Чулков своего Безносикова.

А если добавить, что вся история, разыгранная на маленькой сцене Покровки (в зале всего 60 кресел) происходит в точно воссозданном интерьере солидного московского дома на Фрунзенской, где продумано все до мелочей – от фотографий на стенах до расположения дверей (художник О. Малягина), становится понятным, что в репертуаре театра появился спектакль трогательный, жесткий, нравоучительный, сердечный и печальный. Словом, такой, где наслаждение от игры актеров и от режиссуры, восхищение изобретательно придуманными сценами и тонко и остроумно выстроенными отношениями персонажей не заслоняют глубоких и серьезных проблем, поднятых в самой пьесе.

*Валентина Федорова,
газета «Москвичка»*

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

«Дом на Фрунзенской». Театр на Покровке

Само название пьесы Александра Пудина умышленно перекликается с названием знаменитого романа Юрия Трифонова, ставшим символом неосуществимой мечты многих и многих о «доме на набережной». О престижном и недоступном доме для избранных, к которому идут, будто в музей, – как, впрочем, и на Фрунзенскую набережную, в массив, отгороженный от зевак Комсомольским проспектом. Вот там-то и живет 76-летняя героиня по имени Марочка, и живет одна, поскольку взрослые ее дети осели в городе Туле, успев обзавестись там и собственными детьми. И вот теперь вся эта тульская диаспора спит и видит, как бы получить поскорей дарственную на материнские престижные хоромы.

Мать же с дарственной не торопится, поскольку у нее есть еще собственные планы на жизнь: имеется, к примеру, пожилой сосед, метящий в женихи, есть еще милая провинциалка Верочка, помогающая по хозяйству и даже делающая Марочке ремонт, – право, девушка очень и очень милая. В общем, все это окружение и являет собой партию претендентов на Марочкину жилплощадь. Вопрос о том, кто из них наиболее достоин, исчезает сам собой в круговерти борьбы, куда неизбежно оказываются втянуты все – и худшие, и лучшие.

Актуальный сюжет поставлен Сергеем Арцибашевым как злободневный анекдот, рассказанный вовремя и к месту. И анекдот этот – абсолютный доку-

мент времени. Сама энергия темы, кочующей по всем каналам телевидения и уголовным хроникам, определяет ее власть над нами. В том числе и над героями пьесы, в уста которых вложены репризы о квартирном вопросе. Это их главное экзистенциальное беспокойство.

Ценитель тонкой психологической игры, Арцибашев решил здесь выступить как карикатурист, рисуя своих героев острыми смачными штрихами. Заодно разрушая наши представления о привычных амплуа актеров Театра на Покровке. И нежная Нина Красильникова (жена Марочкиного сына), которую мы знаем как главную лирическую героиню здешних спектаклей, и созерцательно-поэтический Валерий Ненашев (сын Марочки), и философичный Геннадий Чулков (Марочкин жених) – все превратились тут в отъявленных комиков, играющих умпомрачительный фарс и заставляющих нас стонать от смеха.

Татьяна Швыдкова в роли Марочки не устала держать нас в тонусе, непрерывно ошеломляя своими резкими и веселыми выходками. Ее героиня – та еще птица, старая гвардия советской аристократии, осколок культуры ушедших поколений и, конечно же, из бывших партаппаратчиков. «Вся ее жизнь» блистала тут же целой серией фотографий на стене – где, между прочим, рядом с ней можно было увидеть и очень известных политических личностей. Да и сама она – личность, масштабная, много знавшая и повидавшая, все понимающая о времени и его ходе и уже ставшая частью истории. Ее закалка, ее выправка и стать резко контрастировали с представителями следующих поколений – детей и особенно внуков. Об этих можно было сказать: «Мельчает народ!» Внуки же – Павлик (Александр Евсюков) и Лена (Диана Зверева-Балюк), – хоть и устроенные профессионально, являли собой картину забавной культурной деградации. Особенно рядом с королевой-бабушкой, расхаживавшей в свой день рождения в норковом манти и исполненной величия. Вот они-то и разделят потом квартиру на Фрунзенской набережной, встав на смену ушедшим поколениям.

Ольга Игнатюк,
газета «Культура»

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС – НА СЦЕНЕ «ТЕАТРА НА ПОКРОВКЕ»

С успехом прошла премьера пьесы «Дом на Фрунзенской»; действие спектакля разворачивается в реально существующей знаменитой столичной многоэтажке на Фрунзенской, 50, и дележ элитного жилья приводит к непростым перипетиям.

Жилищный вопрос – на сцене Театра на Покровке. «Дом на Фрунзенской» теперь может позволить себе любой желающий. 3 миллиона долларов за квартиру выкладывать не понадобится, достаточно входного билета.

Это – здание с точным адресом. Действие разворачивается в реально существующей знаменитой столичной многоэтажке на Фрунзенской, 50. Дележ элитного жилья привел к непростым перипетиям.

Александр Пудин, драматург, автор пьесы «Дом на Фрунзенской»:

– Человеческие отношения и глубина души человеческой намного глубже и объемнее, чем квадратные метры.

Масса узнаваемых реалий нашей московской жизни здесь превращается в высокое искусство. У исполнительницы главной роли двойственные чувства к героям пьесы.

Татьяна Швидкова, актриса Театра на Покровке:

– Там нет хороших или плохих героев, они все по-своему правы. Они все могут объяснить свои поступки. И каждый человек в зале – найдется, кто поддержит этого героя, другие поддержат этого.

В центре пьесы – жилищный вопрос. На 3-комнатную квартиру в Москве претендует сразу несколько человек – близкие родственники главной героини из Тулы – близкие по родству, но далекие от искренних чувств.

Борьба поколений – что может себе позволить родной сын, на что пойдет родная мать, чтобы заполучить квартиру. Если брать шире: что есть ценное, а что – суетное.

Сергей Арцибашев, художественный руководитель Театра на Покровке, народный артист РФ:

– Сюжет простой и жизненный. Но помимо сюжета такого простого, есть люди с их судьбами. И здесь мне было скорее это интересно, вопрос человеческого фактора.

Кто же победит в борьбе за наследство? Ответ на этот квартирный вопрос уже получили первые зрители.

ТВ-Центр

МОСКОВСКАЯ КВАРТИРА ПРЕВРАТИЛАСЬ В ПОЛЕ БИТВЫ ЗА НАСЛЕДСТВО

В «Театре на Покровке» состоялась премьера пьесы «Дом на Фрунзенской», в «Театр на Покровке» состоялась премьера новой пьесы Александра Пудина «Дом на Фрунзенской», которую поставил основатель и художественный руководитель театра Сергей Арцибашев.

Александр Пудин принадлежит к тем драматургам, кто развивает линию глубокой психологической драмы, составляющую славу российского театра. По мнению автора нигде так полно и глубоко не раскрывается человек, как в семье, ничто так не отражает процессы, происходящие в обществе, как то, что происходит с нами за закрытыми дверями квартир.

Ситуация, рассказанная в пьесе «Дом на Фрунзенской», узнаваема и ошеломляет обыденностью подлости и безнравственности. Марочка, владелица шикарной трехкомнатной квартиры в престижном районе Москвы на Фрунзенской набережной, несмотря на преклонный возраст, не потеряла ни шарма, ни женской привлекательности.

Но сыну, невестке, внукам некогда восхищаться вечной молодостью Марочки. Родственничкам бы квартиру скорее получить. Вот она, главная болевая точка времени. Идет битва за наследство. Драматург создает галерею типов современного общества. Озлобленный отставник Виктор, сын героини, его властная завистливая жена Таша, сын Павел, для которого царь и Бог – успех и карьера любой ценой.

Их дочь Лена, равнодушный врач, готовый на любую сделку с совестью.

Но Пудин не был бы Пудиным, если бы этот семейный паноптикум не был бы оттенен фигурами других персонажей.

Это Марочка, чье жизнелюбие и внутренняя сила покоряют. Это строгая девушка Верочка (говорящее имя), дальняя родственница Марочки, чье бескорыстие вызывает большие опасения у семьи Кособруховых. Это соседка Сикорская,

которая становилась подругой и первой помощницей. Это Безносиков, ее кавалер, настоящий мужчина с чуть старомодными манерами.

В спектакле «Дом на Фрунзенской» психологическую драму Арцибашев дерзко соединяет с фарсом и получается невероятно смешная, узнаваемая и, увы, слишком правдоподобная история о семье, где рвутся внутренние связи, веками считавшиеся незбылемыми. Режиссер беспощаден в разоблачении семейки, где человеческие чувства заменены понятием удобства и выгоды.

Это спектакль ярких актерских работ, чем всегда славился театр на Покровке. Удачей спектакля стала Марочка в исполнении Татьяны Швыдковой. Крупная, яркая, она играет героиню значительно старше себя, немного утрируя ее физическую немощь и одновременно сохраняя чувственность, присущую ее героине, и живой задор. Семья сына героини, Марочки, показана сатирическими красками, и тут требовалась особая тонкость, чтобы не впасть в карикатуру, подчеркнуть социальную основу образов, их типичность.

С блеском это удается Нине Красильниковой и Виктору Ненашеву. Пока еще несколько условно обозначенными остаются Павлик и Елена их дети, но очевидно, что молодые актеры «наберут». А вот характер Верочки, родственницы Марочки все из той же Тулы, показан актрисой Натальей Фищук убедительно.

Как всегда, блеснуло старшее поколение актеров Покровки. Забавна в небольшой роли Сикорской Г. Стукалова, с мягкой иронией показывает Г. Чулков своего Безносикова.

А если добавить, что вся история, разыгранная на маленькой сцене Покровки происходит в точно воссозданном интерьере солидного московского дома на Фрунзенской, где продумано все до мелочей, от фотографий на стенах до расположения дверей (художник О. Малягина), становится понятным, что в репертуаре театра появился спектакль трогательный, жесткий, нравоучительный, сердечный и печальный. Словом, такой, где наслаждение от игры актеров и от режиссуры не заслоняет глубоких и серьезных проблем, поднятых в пьесе.

Валентина Федорова,
газета «Вечерняя Москва»

ЖИЛИЩНЫЙ ВОПРОС В «ТЕАТРЕ НА ПОКРОВКЕ»

Столичный «Театр на Покровке» известен своим пристрастием к классике. В афише – Гоголь, Островский, Чехов, Лесков. Когда возникла потребность оживить репертуар современным спектаклем, Сергей Арцибашев остановил свой выбор на драматургии Александра Пудина. Режиссер убежден, что в пьесе «Дом на Фрунзенской», полной узнаваемых реалий московской жизни, есть все, что нужно и актерам, и зрителям.

Режиссер Сергей Арцибашев и драматург Александр Пудин познакомились двадцать лет назад, когда Арцибашев приехал в Саранск ставить первую пьесу никому не известного драматурга «В пустом доме люди». С тех пор Пудин написал около сорока пьес. Четырнадцать из них поставлены в разных театрах не только в России, но и за рубежом. Все пьесы вошли в трехтомник, который автор подарил режиссеру. «И я что-то стал листать, и мне вот пьеса «Дом на Фрунзенской» показалась достойной, чтоб ее поставить сегодня. Она актуальна для меня. Мало того, что она актуальна, она человечна», – говорит Арцибашев.

В центре пьесы – жилищный вопрос. На трехкомнатную квартиру в Москве

претендует сразу несколько человек, в том числе близкие родственники из Тулы. Близкие по крови, но далекие по сути. Это фабула пьесы. Спектакль про характеры и проявление определенных человеческих черт в той или иной ситуации. Что может позволить родной сын, на что может пойти мать? Что есть ценное, а что – суетное?

Действие пьесы разворачивается в реально существующем доме, с реальным адресом: Фрунзенская, 50. Для автора очень важна эта конкретика. «Конкретный дом потому, что он меня убедил. Убедил своей жизнью, своей судьбой. И я могу сказать, не громкие слова. Я прислушался к этому дому. Мне показалось, такой исполн – задумчивый, тихий», – рассказывает драматург.

И все же спектакль, прежде всего, о любви, о тяге к этой любви, о желании найти близкого и родного человека.

ТВ «Культура»

ДОМ С БОЛЬШИМИ ЧУВСТВАМИ

В октябре 2008 года в «Театре на Покровке» состоялась премьера спектакля по пьесе Александра Пудина «Дом на Фрунзенской» в постановке художественного руководителя театра, народного артиста России, лауреата Государственных премий России Сергея Арцибашева.

Сегодня о спектакле, о творчестве беседуют драматург, лауреат премии города Москвы, лауреат Государственных премий Мордовии, заслуженный писатель Мордовии Александр Пудин и ведущий программы «Люди и премьеры» телеканала «Столица» Александр Мягченков.

А. Мягченков. В своей передаче «Люди и премьеры» мы рассказываем о громких премьерах театральной Москвы. И спектакль «Дом на Фрунзенской» назвали одной из самых громких премьер. Вы считаете, что премьера по вашей пьесе в постановке Сергея Арцибашева в «Театре на Покровке» – это громкая премьера на театральной Москве?

А. Пудин. Мне сложно судить. Но для меня это событие. Масштабное. Тем более, что пьеса поставлена Арцибашевым.

А. М. Когда появляется хорошая пьеса, все говорят: «Вот, появился хороший драматург. Молодой драматург». Вы не считаете себя молодым драматургом? Все-таки и трехтомник пьес в вашем багаже. Ведь для того, чтобы их просто написать, нужно было какое-то время. Или вы себя ощущаете молодым драматургом? Не в смысле возраста, а в смысле прихода на театр.

А. П. Это кому как понравится. Может быть, для московской сцены я и молодой драматург. Хотя сам себя таковым не считаю. 20 лет назад Сергей Арцибашев в Саранске поставил мою первую пьесу. 20 лет прошло! И за это время было много чего написано – более 40 пьес. Поэтому, конечно, не молодой драматург. У меня уже и штампы свои драматургические имеются, надо думать. И вообще, за это время уже мохом мог обрасти, как драматург.

А. М. Если даже по возрасту вы могли быть молодым драматургом, опыт не позволяет вам быть им. Вы уже опытный драматург. Скажите мне, мне всегда это очень интересно: написал человек пьесу, все, что он задумал, вложил туда. Героев представлял и видел, говорил их языком. Но пьеса попадает в руки режиссера. В чужие руки. В данном случае – в руки Арцибашева. У вас это долж-

но вызвать внутреннее напряжение? Вы участвовали в репетиционном процессе или уже пришли на премьеру?

А. П. Практически, не участвовал. Начинала разминать пьесу режиссер – ученица Арцибашева – Оксана Фомичева. С Оксаной у нас застольный период был: фразочку здесь подписать, одну-вторую там... Потом уже сам Сергей Николаевич начал работать. И хочу сказать, что я ему очень благодарен, что меня не дергали.

А. М. Но я опять о своем – о ваших внутренних ощущениях. Если откровенно (Арцибашев этого не узнает): приходит иногда драматург в театр на собственную премьеру и говорит: это талантливо, хорошо, но я писал о другом!

А. П. Поначалу у меня было такое. Арцибашев поставил мою первую пьесу «В пустом доме люди» на сцене Государственного русского драматического театра в Саранске. А уже через год вторую мою пьесу «Анахореты или угол для сирот» ставил ныне покойный Виталий Григорьевич Черменев – лауреат Госпремии Эстонии, заслуженный деятель искусств Эстонии. Тоже в Саранске. Этой постановкой открывали Национальный театр Молдовии. То есть это была историческая постановка.

И вдруг я увидел, что произошло с моей пьесой: голые люди бегают, сюжет почти переиначен... Я, конечно, оцепенел. Дошел до того, что начал просить, чтобы постановка как-то ушла со сцены. Но время прошло, я сам пошел служить в театр – директором, художественным руководителем этого самого Национального театра стал, сам как режиссер-постановщик выступал. И ножницами по тексту ходил. Поэтому пришло другое понимание роли режиссера.

А. М. У вас появился опыт, и вы уже понимали: главное – хорошая постановка, хороший спектакль.

А. П. Да. Тем более, я знал, кто такой Арцибашев, что он может сделать, как может почувствовать материал.

А. М. Арцибашев – действительно крупный мастер. Я считаю его больше актерским режиссером: он умеет с актерами разработать все роли, все это соединить в единый ансамбль, в единый оркестр – очень хорошо, талантливо дирижирует этим оркестром. Тем не менее, мне показалось, когда я смотрел спектакль, что ваши герои были немножко тоньше. Я понимаю, что там кто-то из них из Тулы приехал. Значит, если из Тулы, то поглубже, попроще характер должен быть? Но я знаю людей, которые в провинции живут, если это можно назвать провинцией, так они, может быть, и тоньше москвичей. Поделикатнее. Мне показалось, что немножко грубоватые герои. Может, это личное ощущение?

А. П. Я не заметил, что они грубые. Ситуация сумасшедшая – отъем маминной квартиры. А так – вполне нормальные люди. На самом деле сложно сказать, кто из них – положительный или отрицательный.

А. М. Хорошо, давайте поговорим, – кто отрицательный, кто положительный. Во-первых, надо отметить актерский ансамбль театра «На Покровке». Эти актеры воспитаны Сергеем Арцибашевым. Замечательные, соответствуют тому высокому уровню, когда ни за кого никогда не стыдно. Бывает, приходишь в московский театр и думаешь: Боже, как они играют! Нет элементарной школы. А «На Покровке» есть хорошая школа, здесь все органично и здесь то, что предполагается изначально. Ну а дальше все идет, как идет.

Так вот по поводу персонажей! Я всегда задавался таким вопросом и до сих пор не могу на него ответить: вот кто я? Хороший человек, совершающий плохие поступки, либо плохой человек, совершающий хорошие поступки? Ко-

нечно, мы все стремимся быть хорошими. Но жизнь так устроена, что не всегда получается. Вот вы задали такую историю, довольно узнаваемую. И сложную. Героиня – пожилая, больная женщина, у которой есть единственный сын. Она живет в Москве, в этом знаменитом доме на Фрунзенской набережной, где жили и вы, в квартире 50.

А. П. Нет, я там не жил. В прессу просочилась неверная информация на этот счет. Речь идет о доме номер 50, где Коганович в свое время жил. Никита Сергеевич Хрущев, по слухам, тоже жил в этом доме. Там мои знакомые жили.

А. М. Вы ходили в гости к ним?

А. П. Бывал. Потом просто так много раз подъезжал к этому дому: он мне нравится. Там целая эпоха. Дом строился где-то в 50-е годы, заселялся людьми видными – врачами, деятелями искусства, чиновниками... Сейчас в нем новые люди появляются: депутаты, шоумены.... Но я вижу, что все равно они стараются вписаться в ритм этого дома. А ритм там необычный.

А. М. Это очень важно, что именно этот дом вы взяли. Хотя история могла бы произойти где-то в спальном районе. В двухкомнатной квартирке небольшой. И совершенно с другими людьми. Здесь же люди заметные. Хозяйка дома Марочка – талантливая, умная женщина. У которой за плечами огромная история.

А. П. Я думаю, что другой дом, другой район не был бы так интересен мне, как драматургу. Здесь не только судьба Марочки, но и судьба этого дома. Это целая эпоха. И что примечательно: люди в таких домах живут совершенно по-другому, чувствуют по-другому время. По-другому друг к другу относятся. В чем-то они закрыты, в чем-то открыты. Мне было очень важно дать через дом не только главную героиню, но и историю страны. Я недавно познакомился с одним театром, и главный режиссер мне говорит: «У нас огромный театр, огромная сцена – здесь нужны большие чувства». Мне понравился подход: люди с большими чувствами – это то, что и мне необходимо. Я не поклонник мелкотемья и мелких характеров.

А. М. Значит, в спальном районе не может жить Марочка с большими чувствами?

А. П. Почему не может? Может! Но там вряд ли будет Сикорская со связями, с сыном госслужащим, не будет прочей занятой атрибутики элитного дома. Теоретически их можно собрать в одном подъезде в Марьино или Бутово: мол, снесли дом в центре – вот, оказались здесь. Но это будет неправда.

А. М. Возможно. То есть, вы берете людей определенного уровня – образованных, всю жизнь проработавших где-то ...

А. П. ...в системе. Знающие, где можно развязать язык, а где нельзя. Что можно говорить, а чего нельзя. Поэтому и неординарна ситуация, когда вдруг в день рождения начали делить квартиру, эти люди раскрываются. Это час икс, когда вдруг все решили развязать свои языки.

А. М. Получается, что люди – есть люди. Неважно, кем они работают. Это важно. Но вспомним фразу: «...квартирный вопрос нас испортил...». А я считаю, что мы клеюм на эту ситуацию. Ведь нам предлагаются разные варианты. А как человек поведет в той или иной ситуации – все от него только и зависит.

А. П. Я думаю, что день рождения, также как и квартира и возраст – это только повод порассуждать о взаимоотношениях.

А. М. А в результате? Посмотрите, во что превращаются эти умные, талантливые, интеллигентные, образованные люди?

А. П. Они стали лучше.

А. М. Вы меня разыгрываете?

А. П. Они сделали смелую попытку прибрать все это к своим рукам, а в итоге (и по пьесе, и по спектаклю,) смиряются. Пришли в «чужой монастырь»...

А. М. Они смиряются? Поразительная вещь! Хотя эту семейку из Тулы можно понять: муж с женой, взрослые дети. Дети тоже профессии выбрали. Она – гинеколог, внучка главной героини.

А. П. Проктолог.

А. М. Тоже очень хорошая профессия. Востребованная в медицине. А молодой человек будет работать в Фонде Левады? Социолог. Значит, университет он уж точно закончил. Кандидат наук. Интеллигентные, образованные люди! Мудрые люди! Оказались в такой ситуации, когда квартирка, которая им по наследству должна придти... Я сейчас зря сюжет рассказываю. Но ведь там не в сюжете дело! Сюжет-то ничего нового не дает. Она должна подписать на них, а она не подписывает. А почему же она не подписывает? – А она их проверяет. Ах, какие они нехорошие, а вот Верочка, чужая со стороны которая, она – хорошая. Наверное, я ей подпишу. Или, может быть, «другу сердца». Там очень хорошо играет Геннадий Чулков. У него всего две сцены, а это целая жизнь, целая эпоха. Он, по-философски, единственный относится ко всему этому, да?

А. П. Сын тоже пытается подняться над обыденностью, пофилософствовать. Но, благодаря хорошему давлению со стороны супруги своей Таши (актриса Нина Красильникова), он будет исполнять ту роль, которая написана супругой. Он нормальный человек.

А. М. Человек определяется по поступкам. Это так или не так? Можно произносить разные слова, но...

А. П. По поступкам, само собой. Но и по желаниям тоже. О чем человек думал, что желал....

А. М. Я могу говорить все, что угодно, но бах – и что-то сделал. За поступки надо отвечать. Вот там я увидел, что они в бандитов превращаются. Матери плохо с сердцем, а они Безносикову рот заклеивают, «скорую помощь» не вызывают. Бедной маме с Верочкой приходится через окно на строительной люльке (благо, рабочие в это время стены дома моют) убежать от своих детей! От бандитов!

А. П. Я думаю, они не бандиты. И по пьесе, и по спектаклю они нарочито бросают друг другу вызовы. Снимают маски, бросают перчатки. Марочка – им, они – ей чего-то предъявляют. Поэтому я считаю, что в этом экстазе, в этих страстях можно и до рукоприкладства было дойти. К этому почти все идет, но в итоге все вдруг замолкают и в тишине разбредаются. Кто прыгает в окно, кто обратно в Тулу будет уезжать. Поэтому, я считаю, эта грязная ситуация несет в себе очистительный момент. Все исповедались, прошли через искушения, потрепали друг другу нервы, чуть-чуть не убили друг друга, маму чуть не похоронили. Сказали «все, что у пьяного на языке». В нормальной ситуации этого не надо говорить и делать, но мы же не рассматриваем нормальную ситуацию.

А. М. А вот про маму расскажите. Про маму я не понял. Она вся такая обаятельная, красивая, она ищет такой светлой любви, и я даже подумал – не поздно ли искать, ведь ей уже за 70?

А. П. Она ищет покоя. Может быть, возможности сбежать из этого дома. По большому счету, если одни рвутся в этот дом, то, может быть, она устала уже от него, от этого дома.

А. М. Сбежать из этого дома? Хорошо, подпиши тогда завещание – и поезжай в Тулу! Вместо них и живи спокойно!

А. П. Может быть, такое и будет впоследствии. Если думать о развитии характера Марочки.

А. М. Вы описали совсем другую женщину, которая, действительно, мощная личность! Которая бросила своего сына, а он теперь приезжает к ней на день рождения, привозит подарки.

А. П. С «брошенным сыном» тоже надо разбираться. В финале эта Верочка, которая почти и не родня, когда они вдвоем начинают прыгать в окно, убежать от этих злодеев, говорит: «Я им скажу, что это не ты, Марочка, направо и налево гуляла, глазки строила, квартиру зарабатывала, бросила сына, бывшего первого мужа – нет, это все не так! Я все скажу!». Там еще и в старшем Кособрюхове была проблема.

А. М. Вы все наизусть знаете? Когда драматург так знает свою пьесу, можно самому и спектакль сыграть.

А. П. У нас одна конституция: и я, и мои персонажи тонкокожие. Поэтому все это я воспринимаю близко к сердцу.

А. М. В одном интервью, я прочитал, вы пишете: «У меня нет черных мыслей. У меня ни в одной пьесе нет ни отъявленного негодяя, ни кристально белого, пушистого персонажа. Литературные герои – те же люди, желающие любить и ошибаться». Да, я это понимаю, но, когда пьесу смотрю, я вижу, что это бандиты. Хотя в конце они вроде бы начинают что-то понимать.

А. П. Они притворяются, что они бандиты, что они могут быть тиранами и еще кем-то в этом роде...

А. М. Притворяются? Я думаю, что они хорошо подготовились. Очень хорошие артисты, им веришь. Они убедительно играют.

А. П. Но в итоге все понимают, что без ответственности за судьбу человека, который рядом с тобой живет, без любви, без страха перед будущим, страха перед Богом сложно стать подлинно счастливым.

А. М. Ваши герои способны на благородные поступки?

А. П. Конечно. Я думаю, Марочка, отдаст эту квартиру тулякам. Это не проблема.

А. М. А Верочка куда же денется?

А. П. А Верочка, по большому счету, на нее и не претендует. В итоге, они полюбовно домик поделают. Потому что мама хорошо всех обработала, потому что сама созрела отдать квартиру.

А. М. А со старичком что же? С другом Марочки?

А. П. А друг Безносиков тоже ни на что не претендует. И к Марочке он очень хорошо относится.

А. М. Вы мне специально все это говорите, потому что в пьесе ничего этого нет! Там заканчивается многоточием. И зритель думает, что же будет с этими героями? Если бы вы написали так, то это уже бы некоммерческая пьеса была бы. Неинтересно.

А. П. Может быть, что-то в тексте и было, но ведь для всего текста не бывает места на сцене.

А. М. Мне как раз понравилось, что там было многоточие в конце этого текста. Потому что каждый по-своему понял этот финал.

А. П. А куда ей идти? Может быть, навестить бывшего мужа Кособрюхова? Она определено пока не знает.

А. М. Ей важно человеческое общение. Ей важно, чтобы ее уважали. Понимали. Потому что она служила государству, а здесь – эгоист на эгоисте.

А. П. Она все время проверяет – осталось ли человеческое в сыне, в его жене Таше.

А. М. Откуда в нем человеческое, если она его бросила?

А. П. Она понимает, что есть, есть в нем человек! Но она их провоцирует, она их водит по своим пустыням...

А. М. Она руководит этим театром. Она положительная или отрицательная?

А. П. Если бы меня спросил, к примеру, журналист газеты «Москвичка», я бы ответил, что я защитил москвичку преклонного возраста, которая любит свой город, свою страну. Любит своих детей, которых вы называете «бандитами». По-своему детей любит. Очень строга, но любит своих детей. По-особому любит.

А. М. Так о чем же все-таки спектакль? Это не квартирный вопрос? Это все мелко. Значит, о чем-то другом. О духовном. О том, какие мы, кто мы? Оказавшись в той или иной ситуации, как мы проявляемся, о нашем эгоизме и так далее. О вашем спектакле ведут дискуссии в Интернете. Вот пишет один человек. «Нет главного героя. Спектакль внешне вторичен. Эта тема была актуальна лет 10 назад, когда обсуждалась жизнь высоких начальников и их родственников в элитных домах. Как удастся драматургу с такой вторичной темой быть нужным сегодня?». Сам все отрицает, а потом пишет, что вы нужны сегодня. Значит, это актуальная постановка. И вторая цитата: «пьеса не о том, как жили высокопоставленные люди в таких домах. И не о том, как она получена. Спектакль о нравственности». Вы согласны и с тем, и с другим?

А. П. То, что тема ушла, и время ушло – это не так. А что касается высокопоставленных чиновников – об этом больше пишут те, кто не знает их жизни изнутри. Я же знаю, потому что сам немало поработал в аппарате, и мне говорить об этом неинтересно

А. М. Так о чем пьеса, если коротко?

А. П. Я думаю, об отсутствии любви.

А. М. Вот это очень интересно. Мы пока об этом не говорили. Вот мы брали интервью у актеров, занятых в этом спектакле. Главная героиня, исполнительница роли Марочки, когда ее спросили, о чем этот спектакль, сказала о любви. Все люди хотят ее. А у многих так вся жизнь и пролетела в поисках любви, а любви-то не было. Квартирный вопрос здесь ни при чем. Оказывается все про любовь! Вот наша жизнь – все хотят любви. А Марочке, не поздно ли любовь искать? Все-таки ей уже за 70.

А. П. 76. Что значит в ее возрасте поздно – не поздно? О любви какой? К Безносикову, которого, как вы отметили, тонко сыграл Г. Чулков? К детям? Это тоже как вариант. Но самое главное, что чувство, что мы называем любовью, конечно, в большей степени возвышает, а не толкает к убийству или к чему-то.

А. М. Тут еще возникает другая тема – тема одиночества. При всем том, что приходят, поздравляют ее – она одинока. И эта девочка Верочка ей нужна. Она видит в ней себя в молодости. Вот и получается – о любви, об одиночестве, о морали, о нравственности.

А. П. По большому счету, человек приходит в мир в одиночестве и уходит в одиночестве. Сейчас никто не кладет рядом жену, если супруг умер.

А. М. Вы занимаете высокие посты, – зачем вам драматургия? Зачем вы все это пишете? Почему вы такой беспокойный человек? У вас есть любимая работа?

А. П. Любимая работа – писать пьесы, помогать людям в житейских вопросах.

А. М. Слава Богу, что получился хороший спектакль. Все-таки по Москве маловато хороших спектаклей. А здесь налицо хороший театр, хорошие артисты. Но и драматург оказался хорошим.

журнал «Театральная жизнь»

Сергей АРЦИБАШЕВ:

«Я ЗА ТЕАТР, КОТОРЫЙ ПРИНОСИТ РАДОСТЬ...»

Когда в юности он признавался, что хочет связать свою жизнь с театром, то в ответ ему говорили: «Посмотри на себя, с твоими данными будешь сидеть в каком-нибудь провинциальном театре и в лучшем случае восклицать «кушать подано!». Он слушал и молчал. А когда в 25 лет окончил театральное училище, самоуверенно заявил: «Через десять лет я стану главным режиссером». Но он ошибся. На два года.

Режиссерскую известность Сергею Арцибашеву принес дипломный спектакль «Надежды маленький оркестрик», который вышел в 1981 году на сцене Театра на Таганке. В 1989 году стал главным режиссером Московского Театра Комедии, на базе которого через два года основал «Театр на Покровке». В 2002 году его назначили художественным руководителем Московского академического театра им. Вл. Маяковского. Сегодня в гостях у «Круга жизни» режиссер и актер Сергей Арцибашев.

– Сергей Николаевич, как вы считаете, ради чего современный зритель идет в театр? Это способ развлечься, разобраться в себе, получить какой-то опыт или что-то другое?

– Те, кто ходит в театр – они в нем что-то ищут. Поэтому, как мне кажется, они и приходят в театр «распахнутые», открытые, именно для того, чтобы получить впечатление. А уж какое впечатление произведет театр – зависит от установки театра, на что он нацелен, какие цели преследует. Но театр – это живое общение с творчеством, с живым творчеством актеров, и зритель, исходя из этого, в большей степени, мне кажется, идет сюда за радостью, за радостью творчества. Он может не отдавать себе отчета, но это та творческая энергия, которой он напитывается, следя за игрой актера. И зритель испытывает радость от этого. Он вместе с актером начинает творить спектакль. Такое сотворчество происходит, если, конечно, спектакль рассчитан на это «сотворчество», на переживание. Зритель въевь начинает ощущать любовь, ненависть, боль: он возбужден, взбудоражен, смеется, плачет, аплодирует... Его приподнимает над жизнью. И что примечательно, творя, ему не надо совершать поступков, которых требует жизнь. Хотя, мы, конечно, рассчитываем, что когда зритель почувствует себя «сотворцом», он решится на поступки, начнет делать добрые дела.

Вспоминается один случай. Посмотрели спектакль, обсуждаем его со зрителями. Смотрю, один все бегаёт и говорит: «Ну, вы хоть сами пони-

маете, что вы сделали?» Я: «Ну, понимаю, сделал спектакль с идеями, целями». Он: «Нет, вы не понимаете». И начинает говорить такую вещь, над которой я сам до этого долго думал. Он мне сказал: «В середине спектакля мне очень захотелось, чтобы быстрее все закончилось, прошла ночь – и я скорее пошел на работу... Почему? Вы поставили известную вещь (спектакль по «Ревизору»), я видел этот спектакль в разных вариантах, видел в кино, но у вас все по-другому. Вот я и думаю: почему Арцибашев может взглянуть на известную вещь под другим углом зрения и сделать в ней открытие, а я сижу на работе, бьюсь над своей проблемой – и не могу на нее посмотреть с другой стороны. Вот я и спешу теперь на работу, чтобы изменить свой взгляд». Человек почти всегда хочет выступить в роли сотворца. И это возбуждение творчества в человеке для меня очень важно.

Театр – это подпитка для человека, который устает, мучается, раздираем противоречиями. Подпитка сил и возможностей человеческих. Театр дает опыт. Театр предлагает сюжет – ответ на какие-то вопросы, которые есть у человека: «Ага, я это уже видел, в результате получается вот что – нет, я буду искать другой путь».

Я за тот театр, который дарит радость.

– **Какой из своих спектаклей вы можете назвать самым «тяжелым»?**

– «Мертвые души». Кроме того, что я его поставил, в нем я играю Чичикова. А это – три часа на сцене, без перерыва и отдыха, большие эмоциональные перепады, рваная, неровная амплитуда. Тяжело и психически, и физически. Но так построен спектакль.

– **Вы не раз говорили, что сцена для вас – это храм, в котором вы можете исповедоваться, раскрыться, покаяться в своих грехах. Причем сделать это публично. Вы с детства стремились к публичности?**

– Это во мне говорил прилежный ученик. Этому учили классики, основоположники русского психологического театра К. Станиславский, В. Немирович-Данченко. Да, они были за «театр-храм», где можно было очиститься душой, возвыситься. Я в это поверил, и с этим убеждением пошел в театр. А потом это стало потребностью: когда ставлю спектакль или играю роль, следуя заветам великих учителей, роль мне надо присвоить, сделать своею, включить в нее и себя любимого. И те проблемы, которые есть у персонажа, они есть и у меня в какой-то степени. Человек – это микрокосмос. А в микрокосмосе, как в макрокосмосе, есть все. Так и в человеке. В нем есть все. И если человек говорит, что я такой добрый и хороший и нет во мне ни ненависти, ни зависти, нет пороков, – человек себя обманывает.

– **А вдруг он так считает?**

– Человек изначально, действительно, замечателен, но в какой-то момент, сам не зная почему, вытворяет такое! И тогда надо объясняться, как в сказке «Обыкновенное чудо» Евгения Шварца, когда король говорит: «Это не я, это моя тетушка разгневалась». В нас, априори, есть и друзья, и враги. Просто не каждый отважится сознаться в этом. Театр нам дает такую отвагу.

– **Мнение критиков Вас сильно волнует?**

– Есть критики, слово которых я стараюсь прочитать. Мне интересно мнение профессионалов. Когда пишущий понимает, что я хотел сделать, и объясняет мне и актерам, что именно не получилось и по какой причине. А когда просто пересказывают сюжет спектакля или «цепляются» к актеру, который им лично

почему-то не нравится, – от такой критики никакой пользы ни мне, ни актерам нет.

– Вашим первым спектаклем в театре Маяковского стала «Женитьба». Почему Вас так привлекло это классическое произведение?

Это спектакль «Театра на Покровке». Он был у всех на виду и на слуху, и начинать с него было очень рискованно для собственной репутации. Но контраргументом было то, что надо было немедленно решать и творческие, и производственные задачи «Маяковки». Не секрет, что до меня ведущие актеры «Маяковки» практически ушли на сторону работать в антрепризе, сниматься в кино и сериалах. Мне хотелось их соединить, чтобы в одном спектакле вышло как можно больше ведущих артистов театра им. Маяковского. Очень важно было, чтобы они вышли взявшись за руки, как в добрые прошлые времена. И, конечно, мне нужен был успешный спектакль. Успех объединяет коллектив, театр, настраивает на более успешное преодоление препятствий. И я рискнул. Актеры это сделали с удовольствием – благо, спектакль они видели, он им нравился. Спектакль идет 7 лет, уже не знаю, какое количество раз, непременно при полном зале. Меня это радует. И не просто комедийный спектакль, а классика. Это же важно. Произведение русской классической литературы. Н. Гоголь. «Женитьба». Все ведущие артисты на сцене. Полное удовольствие для зрителя и для театра, потому что этот спектакль стал еще и кассовым.

– Вы и актер, и режиссер, и педагог одновременно. Но что Вам все-таки ближе?

– В первую очередь, я режиссер. Это очень трудно и мучительно, но очень увлекательная задача – начинать каждый раз с белого листа. Взять произведение, объединить людей, направить их, чтобы шли в одну сторону. Актер все-таки отвечает за определенный «участок», за свое исполнение роли, а режиссер – организатор, актер, вдохновитель, педагог. Все тут...

– Какими качествами должен обладать начинающий актер, чтобы получить у Вас роль?

– Первое – это желание, чтобы он сам хотел работать. Я это должен видеть и ощущать. Часто с молодыми общаешься, жалуются, что роли не дают. Между тем, сидит передо мной актер и говорит: «Я могу сыграть Хлестакова! А играю вместо этого пятого зайчика в утреннике! Я – Хлестаков!!». Я не возражаю, говорю: «Ну, давай, читай монолог! Я – режиссер, как раз собираюсь ставить «Ревизора». А он мне: «Я не знаю». Хочет и не знает? Он должен если не всю роль знать наизусть, но хоть монолог!

Другой сидит и говорит: «Я – Гамлет». Монолог, известный всем по школьной программе «Быть или не быть», он, естественно, не знает. Вы, говорит, мне дайте роль, и тогда я буду учить. Он не хочет тратиться. А вообще, по профессии, по ремеслу артист должен быть готов ко всему! Он может не уметь виртуозно играть на гитаре, но знать пять аккордов он должен. Я говорю о каком-то ремесле в высоком понимании, из которого возможно выпрыгнуть в высокий полет.

– Как вы относитесь к тому, что многие актеры снимаются в телесериалах?

– Отрицательно. Кроме денег, узнавания и успеха – мнимого и легкого – эта работа мало что дает. Актерство все-таки предполагает труд: надо работать, мучиться, сомневаться, долго репетировать. Сериалы же – это изматывание себя и использование наработанного, это не развитие. А когда 200 серий – это тем

более изнуряющее, изматывающее выхолащивание и потеря даже того, что имел и умел.

– Современные дети увлечены компьютером, телевизором, Интернетом – в общем, всем, кроме театра. Как вы думаете, это исправимо?

– Надо водить их в театр. Надо приучать. Все зависит от родителей и семьи – в первую очередь. Дальше – от школы, детских садиков. Надо выбирать спектакли и театры, которые бы производили впечатление на детей. Мой сын пришел посмотреть «Красную Шапочку», и ему запомнилось – спрашивает, когда снова можно посмотреть. Сыну пять с половиной лет. А со старшим получилось по-другому. Где-то в четыре-пять лет мы с ним прочитали книжку «Снежная королева», и он спросил, идет ли где-нибудь спектакль такой. Я узнал, пошли. Спектакль, к несчастью, оказался старый, актеры не по возрасту. Сын удивился, почему Снежная королева не такая молодая и красивая, какой он ее представлял в сказке. Тем не менее, не хотел уходить после первого действия, потому что ждал увидеть дворец. Я подозревал, что, судя по всему, (по декорациям первого действия в том числе) дворец тоже окажется не дворцом, и стал активно предлагать уйти домой. Он настоял на своем. Увидев «дворец», он сам засобирился в гардероб, ушел, чтобы больше не приходиться в этот театр никогда. Нельзя обманывать надежды ребенка.

– А вы помните свое первое впечатление о театре?

– У меня все было продуманно. Когда после восьмого класса я оказался в Свердловске, то стал со стипендии откладывать копейки на посещение театра. Прикинув, что денег хватает, я пошел в Свердловский Академический театр, попросил кассиршу продать мне самое лучшее место на самый лучший спектакль. Она так прониклась моим отношением к театру (а я действительно мечтал о театре, о работе в нем), что сделала мое первое посещение незабываемым. Она увидела, что я собрался за большими впечатлениями! Она помогла мне не обмануться в моих ожиданиях. Это был спектакль «Мещане» М. Горького – замечательный спектакль, замечательные актеры. Я сидел на первом ряду по центру, на самом лучшем месте. Когда открылся занавес, и на меня пахнуло всей этой театральной пылью, мишурой, я подумал: «Вот! Это мое, хочу туда!» Я ждал такого впечатления, которое «ударит в меня и заплечет в сердце моем», как пел Александр Галич. И получил его.

– И Вы сразу захотели стать режиссером?

– Режиссером я уже раньше хотел быть. С тринадцати лет. Надо было решать, куда поступать после восьмого класса, потому что до одиннадцатого в нашей большой семье никто не учился. Я задумался. Выбирал между тремя профессиями: актер, тренер и педагог. Над профессией педагога я размышлял, потому что моя мама была учительницей. Актер – потому что хотел быть в театре. Ну а «тренер» появился из-за того, что я долго и активно занимался спортом. Думал я думал, а потом понял, что ведь есть профессия, которая объединяет все три – это режиссер. Актерские внешние данные были очень скромные. Поэтому режиссура – это было самое то. Сначала я поступал в ГИТИС, на режиссерский факультет к Марье Иосифовне Кнебель. Но первый тур был актерский – предстояло прочитать стихи, басню или прозу. А я-то готовился к режиссуре, что-то читал, думал. Вот и срезался. В итоге поступил на актерский факультет Свердловского театрального училища, думая окончить курс и попробовать снова поступать на режиссуру. Но вышло так, что я стал учиться у педагога, от которого не хотелось уходить. Это Василий Константинович Козлов – первый

человек, который поверил в меня. Мне он был очень дорог. К сожалению, я не смог отучиться у него весь курс, он умер за год до моего окончания училища, но то, что он для меня сделал – неоценимо. Он не только сам поверил в меня, но и всех окружающих заставил поверить в меня. И меня самого укрепил в моей вере. Он намечал, что в дипломном спектакле я сыграю Федю Протасова в пьесе Толстого «Живой труп». Вот такой был рост: от ролей комиков-простаков до роли такого мощного диапазона.

Когда Василий Константинович Козлов умер, долго искали другого руководителя курса. Но потом курс встал и сказал: «Нам никого не надо, у нас есть Сергей Арцибашев». Получилось, что студент стал руководителем курса. Такого в училище еще не было. Это был уникальный курс. Дисциплина держалась на высшем уровне – мы договорились, что не можем подвести нашего умершего педагога.

В итоге, мы сдали восемь выпускных спектаклей: четыре обязательных по программе и четыре самостоятельных: три – в моей постановке, один в постановке Владимира Малягина, ныне известного драматурга, тогдашнего сокурсника.

– Как получилось, что вы – человек, который уделяет столько внимания классике, сыграли в «ДМБ» прапорщика?

– Ну, во-первых, меня попросили помочь. Во-вторых, самому было интересно провести небольшой эксперимент. И я согласился. «ДМБ» – это такой современный стеб, тусовочная вещь. Хотелось узнать, можно ли там не просто развлекаться, а создать такой собирательный образ, узнаваемый, понятный для тех, кто служил в армии. И, судя по реакции людей, которые отслужили, мне это удалось. Они смотрели фильм и говорили: «Да-да, у нас прапорщик был точно такой же!» Многие упрекали меня за участие в этом проекте, за такую несерьезность. Но за моими плечами уже были роли Пушкина, Гамлета, Мольера, Ленина, Вершинина, Городничего и другие серьезные роли.

– Каково было работать с Никитой Михалковым в фильме «12»? Сложно в такие моменты подавлять свое режиссерское начало и выступать только в качестве актера?

– Я сразу для себя решил, что если я где-то участвую только как актер, то я режиссирую свою роль – и ничего больше. Могу что-то предложить, но если режиссер скажет «нет» – значит, нет. У Михалкова нет проблем с тем, что актеры могут что-то оспаривать. Но там и не с чем было спорить! Потому что Михалков – замечательный режиссер и его предложения замечательны. И они не шли вразрез ни с чем, кроме, может быть, одной вещи, которая была для меня мучительной – ежедневно брить голову (смеется – *авт.*). Я приезжал на съемочную площадку самым первым, и мне скоблили лысину, потому что она должна была блестеть.

А вообще, съемки в «12» – увлекательный и полезный опыт. В этом фильме Михалков работал, как в театре. Это была почти театральная постановка, скрупулезная, тонкая, очень понятная мне.

– Как Вам удается совмещать работу в двух театрах?

– У артистов «Театра на Покровке» возникает некоторое ощущение того, что я их бросил и ушел в другую «семью». Понятно, что это давит и на мое внутреннее состояние. Но что меня утешает, хоть малость – это то, что до этого я очень хорошо там вложился. «На Покровке» хороший репертуар, перспективный для актеров, там есть над чем работать, очень много классики и есть в чем разви-

ваться. Действительно, большая часть времени уходит на «Маяковку», где надо строить репертуар и сам театр. Но «Покровку» я тоже не забываю. Стараюсь брать интересный материал, ищу интересных режиссеров, успеваю ставить сам. Из последних работ – «Горе от ума» А. Грибоедова и «Дом на Фрунзенской» А. Пудина.

– **Какие у вас творческие планы на ближайшее время?**

– Хотел бы продолжить заниматься русской классикой. У меня сейчас есть две хорошие инсценировки: по Н. Гоголю и по Ф. Достоевскому. Учитывая, что не за горами юбилей Н. Гоголя, первым, скорее всего, будет Николай Васильевич. Но это будет зависеть от расклада в театре, будут ли свободны актеры от съемок. Еще я давно мечтаю поставить А. Чехова для «Маяковки».

– **Это режиссерские, а что касается актерских?**

– Актерские планы я никогда заранее не строю. На репетициях я обычно приглядываю себе роль, которую мог бы сыграть в этом спектакле. И потом, если есть такая необходимость, я «вхожу» в эту роль.

Я – режиссер, и мне надо ставить спектакли, надо в первую очередь давать возможность играть актерам. А уж со своими актерскими амбициями я как-нибудь разберусь.

Беседовала Диана Галантер

Досье «Круга жизни»: Сергей Николаевич Арцибашев родился 14 сентября 1951 года в поселке Калья Свердловской области. В 1976 году окончил актерское отделение Свердловского театрального училища (курс заслуженного артиста УзССР В.К. Козлова). В 1981 году окончил режиссерский факультет ГИТИСа им. А. В. Луначарского (курс народной артистки РСФСР М. О. Кнебель). С 1980 по 1989 работал режиссером и актером в Театре на Таганке. С 1989 по 1991 – главный режиссер Московского театра комедии. С 1991 года – основатель и художественный руководитель – директор Российского Государственного «Театра на Покровке». В 2002 году возглавил Московский Академический драматический театр им. Вл. Маяковского. В качестве режиссера Сергей Арцибашев поставил более 40 спектаклей в театрах Москвы, России, СНГ и за рубежом.

Народный артист России. Лауреат Государственных премий России, лауреат премии Союзного Государства.

СОДЕРЖАНИЕ

Об авторе

3

Дом на Фрунзенской.
Трагикомедия в 2-х действиях

6

Дом с большими чувствами.
Рецензии, отзывы, интервью

42

С. Арцибашев
«Я за театр, который приносит радость...»

57

Литературно-художественное издание

ПУДИН Александр Иванович

ДОМ НА ФРУНЗЕНСКОЙ

Трагикомедия в 2-х действиях

Компьютерная верстка: *В. Тяжова*
Обработка фотографий: *Л. Карякин*
Корректоры: *О. Пальтина, М. Железова*

ISBN 978-5-7493-1371-0

Подписано в печать 00.03.2009 г.
Формат 60×84 ¹/₁₆. Усл. печ. л. 3,7+вкл. 0,9.
Тираж 3000 экз. Заказ № 1123

ГУП РМ «Республиканская типография «Красный Октябрь»»
430000, Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, 55а